

еть: во - первыхъ, живой религиозный опытъ; во-вторыхъ, Слово Божіе (сказано нѣсколько мало); въ-третьихъ, самопознаніе, отмѣчая здѣсь особую цѣнность дѣтской психологіи, и въ-четвертыхъ, природовѣдѣніе въ широкомъ значеніи этого слова.—Дальнѣйшія главы:—„Что такое свойства существа Божія“ (3), „Подраздѣленіе свойствъ Божіихъ“ (4), „Богъ—Духъ“ (5), „Сходство Бога съ человѣкомъ“ (6). При выясненіи „строга Божественнаго Духа“ (7), авторъ справедливо, какъ мнѣ кажется, поставляетъ чувство въ центръ душевной жизни, отдавая предпочтеніе эмоціонализму предъ интелектуализмомъ и волюнтаризмомъ, причемъ параллельно этому и въ физической структурѣ человѣка крови и сердцу, а не мозгу, усволяется главное значеніе. Все это подтверждается у автора рядомъ ученыхъ цитатъ. 8-я глава—„Пресвятая Троица“ составитъ предметъ особыхъ замѣчаній нѣсколько ниже.—Переходя къ „Чувству Божію“ (9—10), авторъ подмѣтилъ отсутствіе или недостаточное раскрытіе въ существующихъ курсахъ по догматикѣ этой, такъ же, какъ и въ человѣкѣ, главной стороны жизни Бога. Г. Козыревъ восполняетъ этотъ недостатокъ и, соотвѣтственно высказанному имъ взгляду на чувство, ставитъ эмоціональныя свойства среди всѣхъ свойствъ на первое мѣсто.—Вслѣдъ за чувствомъ идетъ рѣчь объ „Умѣ Божіемъ“ (11), о „Словѣ Божіемъ“ (12), и „Волѣ Божіей“ (13). Какъ и въ человѣкѣ, этимъ сторонамъ въ Божествѣ соотвѣтствуютъ: благо, истина и красота (14. „Богъ—Добро, Истина и Красота“), причемъ авторомъ допускается своеобразная и глубоко-вѣрная перестановка этихъ идей: на мѣсто красоты, въ соотвѣтствіе чувству, имъ поставляется благо и, обратно, на мѣсто блага, въ соотношеніе съ волей—красота. Въ слѣдующихъ трехъ главахъ трактуется особо о „Богѣ“, какъ о „Благѣ“ (15), „Истинѣ“ (16) и „Красотѣ“ (17).—Изагая „свойства чувства Божественнаго“ (18), авторъ въ первую голову выдвигаетъ, конечно, „Любовь“ (19) и говоритъ о ней особенно подробно. Онъ опредѣляетъ любовь, какъ основное чувство Божества, характеризуя ее чертами пылкости, смиренія, самоотверженія, умиленія, кротости, ревности, благодати и т. д. Главу эту, по глубинѣ анализа, изяществу выраженія, можно назвать шедевромъ.—Другія свойства Божественнаго чувства: „Радость“ (20) и „Миръ“ (21). Первое

опредѣляется, какъ чувство воспринимающее, въ нѣкоторую противоположность любви, какъ чувству дающему. Другими словами, радость—любовь, пользующаяся взаимностью, нашедшая отвѣтъ въ сердцѣ возлюбленнаго. Второе есть синтезъ любви и радости—покой удовлетворенной взаимностью любви. Какъ эмоціоналистъ, авторъ не только восполняетъ отсутствіе или крайнюю недостаточность въ русскихъ догматикахъ свойствъ чувства Божія, не только представляетъ имъ первое мѣсто въ ряду свойствъ вообще, но и по-преимуществу говоритъ именно о нихъ. Такъ, любви онъ посвящаетъ 67 страницъ — значительно болѣе, чѣмъ какому-либо другому чувству, а вмѣстѣ съ радостью и миромъ—болѣе, нежели свойствамъ остальныхъ двухъ сторонъ Божественнаго Духа: ума и воли, въ совокупности взятыхъ.— Въ „умѣ Божественномъ“ авторъ также указываетъ три „свойства“ (22): Всевѣдѣніе“ (23), „Правосудіе“ (24) и „Премудрость“ (25). Вполнѣ основательно авторъ относитъ правосудіе къ свойствамъ ума, а не воли, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, понимая его, какъ способность сужденія, критики, оцѣнки въ Богѣ. Равно столько же названо и „свойствъ воли Божественной“ (26), именно три: „Всемогущество“ (27), „Святость“ (28) и „Свобода“ (29). — Въ „Заключеніи“ (30) авторъ съ присущей ему скромностью и откровенностью говоритъ о достигнутыхъ имъ результатахъ. Въ концѣ работы (I—V) данъ реестръ „источниковъ и пособій“.

Критическій разборъ изложеннаго сочиненія начну съ указанія недочетовъ, говоря вообще, незначительныхъ, какъ пятна на солнцѣ. Не упоминая мелкихъ—скорѣе описокъ, нежели ошибокъ, я позволяю себѣ выразить несогласіе съ сужденіемъ автора о духѣ вообще, какъ независимомъ отъ времени существѣ. Такимъ внѣ-временнымъ, или вѣчнымъ существомъ является только Богъ, а не духъ вообще, — человѣческій, напр. или ангельскій. Другая оплошность автора въ разсужденіи о духѣ—несоблюденіе имъ тождества въ характеристикѣ духа со стороны его реальности; нужно было выдержать понятіе о духѣ вообще до конца, а не замѣчать его понятіемъ Духа Божественнаго. Нельзя также согласиться съ даваемымъ авторомъ опредѣленіемъ сознанія: „сознавать“ не значитъ чувствовать, разумѣть и желать, какъ полагаетъ авторъ, а только замѣчать, что я чувствую, я ра-

зумѣю, я желаю и т. д.—знать о себѣ, что я что-то переживаю. Въ оригинальномъ разсужденіи автора о смиреніи Бога слышится нѣсколько утрированный кенотическій тонъ. Понятіе „мистическаго озаренія“ страдаетъ неопредѣленностью. Нельзя признать правильнымъ толкованія I Т. 2, 4—текста, не выражающаго будто идеи вѣчнаго спасенія, какъ предмета Божественной воли въ отношеніи „всѣхъ“. Выраженіе „красивый“, какъ и нѣкоторыя другія, слѣдовало бы въ отношеніи къ Богу замѣнить болѣе соответственными, „богоприличными“ словами: „прекрасный“ и т. п.—Особаго замѣчанія заслуживаетъ, какъ сказано, 8-я глава: „Пресвятая Троица“. Содержаніе 68-й стр. противорѣчитъ 43-й, даже ближайшей 65-ой. На этихъ послѣднихъ Святые Отцы названы интеллектуалистами, потому что они главенствующею силой въ душѣ считали умъ, а на той, т. е. 68 стр., они уже выступаютъ сторонниками автора, какъ эмоционалиста. Правильная сама по себѣ, аналогія чувства—Отца, разума, порождаемаго чувствомъ—Сына или Логоса и воли—Духа Святаго доводится авторомъ до тожества и абсурда въ смыслѣ аргументаціи. Примѣръ бл. Августина съ его ученіемъ объ исхожденіи Св. Духа, какъ взаимной любви Отца и Сына, отъ Обоихъ Лицъ, долженъ былъ бы удержать автора отъ полного гипостазированія трехъ душевныхъ силъ въ Лицахъ Св. Троицы. Чтобы обосновать свое положеніе, что Отецъ есть чувство Божества, какъ Сынъ и Св. Духъ—Его умъ и воля, авторъ пользуется крайне сомнительной интерпретаціей текстовъ. Такъ, слова Господа: „Отецъ Мой болій всѣхъ есть“ (Ин. X, 29) онъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что Отецъ больше и Сына и Св. Духа, хотя не далѣе, какъ въ слѣдующемъ (30-мъ) стихѣ, говорится „Азъ и Отецъ едино есма“. Такое толкованіе нужно автору для того, чтобы оправдать свое положеніе, что Отецъ есть по преимуществу Богъ-Чувство, такъ какъ чувство выше разума и воли. Я возражаю не противъ основной мысли автора, съ которой я согласенъ, а лишь противъ его крайне произвольной аргументаціи. Въ указанномъ мѣстѣ идетъ рѣчь о „большинствѣ“ Отца относительно тѣхъ, кто можетъ оказаться „хищникомъ“ овецъ Христовыхъ, но не о „большинствѣ“ въ отношеніи къ Сыну и Св. Духу. Ужъ лучше было бы автору сослаться на Ин. XIV, 28, но и этотъ текстъ можетъ быть истолкованъ въ умѣренно-кеноти-

ческомъ смыслѣ—умаленіа Сына по „Домостроительству“, а не по Божеству. Столь же тенденціозно истолкованы тексты на 75—76 стр. Вотъ что значитъ предвзятая идея! Вообще вся 8-я глава, при всей оригинальности, интересѣ, правильности основной мысли—аналогіи, неудачна по своей аргументаціи.—Слѣдовало бы также автору передѣлать и нѣкоторыя другія мѣста своей работы, въ смыслѣ сообщенія имъ большей ясности и убѣдительности, напр. разсужденіе о Волѣ Божества—Св. Духѣ, какъ душѣ міра.

Скажемъ теперь о достоинствахъ работы г. Козырева, кромѣ указанныхъ выше, при изложеніи содержанія. Основной чертой этой работы выступаетъ оригинальность автора при строго-православной точкѣ зрѣнія на предметъ вообще. Оригиналенъ и общій замысль автора—дать болѣе или менѣе цѣльный образъ—типъ Высочайшаго Существа, и воплощеніе этого замысла въ трехъ періодахъ свойствъ, въ характеристикѣ каждаго свойства порознь, и въ отдѣльныхъ положеніяхъ, и даже выраженіяхъ. Приведу нѣсколько примѣровъ отдѣльныхъ положеній, изъ которыхъ можно видѣть авторскую самобытность г. Козырева. 1) „Въ Богѣ—говоритъ авторъ—дѣтская воля, т. е. воля, исходящая только изъ чувства, а не изъ чувства и ума“ (62 стр.). Такъ какъ воля въ Богѣ есть Духъ Святой, то намъ становится понятнымъ, почему Третье Лицо исходитъ только отъ Отца. 2) Положеніе, что Сынъ Божій, или Логось, рождается отъ Отца, или Бога—Чувства, доказывается Его пребываніемъ въ „нѣдрѣ Отца“, аналогичнымъ пребыванію ума въ сердцѣ, требуемому извѣстнымъ аскетическимъ правиломъ. 3) Характерно разсужденіе автора о фантазіи, какъ высшей способности человѣческаго ума, въ Богѣ фантазіи соотвѣтствуетъ премудрость, какъ высшее свойство Божественнаго ума, почему міръ, какъ обнаруженіе этой премудрости, въ полномъ смыслѣ мы можемъ назвать продуктомъ творчества Божественной Фантазіи. 4) Въ высшей степени оригинально выраженіе: „любовь спасаетъ Бога“ (188 стр.) и соотвѣтствующее этому выраженію глубоко-психологическое разсужденіе.—Словомъ, работа г. Козырева во всѣхъ отношеніяхъ оригинальна, глубоко продуманна, не школьна, не шаблонна. Мысль его смѣла, иногда даже парадоксальна. Каждое предложеніе выражаетъ его собственную мысль, а не-пустая или

займованная фраза. Эта мысль объективируется достаточным количеством удачно подобранных цитат, типичных выдержек. Самый прием цитации—честный, правдивый, благородный, дающий возможность видеть, что автором взято из первых рук, что из вторых. Как мудрая и трудолюбивая пчела, он берет свой медь не только с розовых кустов Св. Писаний и Отеческих творений, но и с ядовитых цветов—Ренана, Фейербаха и др. Однако, работа г. Козырева прекрасна не как набор только блестящих мыслей, мягких выражений. Это—цѣлая система, стройное во всех своих частях мировоззрѣніе. Титуль „Богослова“ автору такой работы идетъ въ полномъ значеніи и красотѣ этого слова. Характеръ его богословствованія опытный и вмѣстѣ библейски-патристическій. Но г. Козыревъ не только богословъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ себя глубокимъ философомъ и тонкимъ психологомъ. Кромѣ того, онъ еще и художникъ. Рѣчь его проста и изящна, мѣстами сочна и красочна, какъ кисть опытнаго пейзажиста. На всемъ произведеніи лежитъ печать высокаго таланта и культуры. О послѣдней, между прочимъ, можетъ свидѣтельствовать собственноручная переписка автора, безупречная въ орфографическомъ смыслѣ. Еще болѣе важное свидѣтельство того же—широкая и разнообразная начитанность автора. Читая такую работу—одно удовольствіе. Вездѣ чувствуется самобытно мыслящая, глубоко чувствующая и совершенства волящая живая душа автора, его высоко-парящая творческая личность. Наслаждался авторъ, какъ признается онъ самъ, сидя за своей работой, наслаждался и я, читая его сочиненіе. Всего болѣе меня удивляло то, какъ могъ авторъ на такую, повидимому, отвлеченную тему сказать такъ много новаго, свѣжаго, ароматнаго, захватывающаго, что мѣстами буквально приводило меня, официальнаго рецензента, въ восторгъ! Пусть авторъ иногда ошибается, но его ошибки искренни, честны. Даже въ своемъ настоящемъ видѣ работа г. Козырева достойна того, чтобы увидѣть свѣтъ и служить образцомъ изложенія соотвѣтствующаго отдѣла догматики. Послѣ сказаннаго ясно, что г. Козыревъ за свою работу степени кандидата Богословія болѣе, чѣмъ достоинъ“.

а) Инспектора Академіи, экстраординарнаго профессора *архимандрита Иларіона*:

„Въ концѣ своего сочиненія г. Козыревъ пишетъ: „Я читаль много книгъ и статей о Богѣ и немало думаль о Немъ, и кажется мнѣ, что мои занятія не были совершенно безплодными“ (стр. 284). Можно прибавить, что читаль и думаль о Богѣ студентъ Козыревъ не потому, что принужденъ былъ писать на тему о духовныхъ свойствахъ существа Божія, а потому онъ и писалъ на эту тему, что думаль и читаль о Богѣ. Вопросъ о Богѣ для него вопросъ личной духовной жизни и его кандидатская работа не задача, исполняемая по заказу со спеціальной цѣлью полученія ученой степени, а ступень или періодъ въ его личномъ духовномъ развитіи. Вотъ первое впечатлѣніе отъ сочиненія г. Козырева. Да, онъ думаль о Богѣ, читаль о Богѣ. Съ этими думами онъ подходилъ къ Слову Божію, къ святоотеческимъ писаніямъ. Его освѣдомленность въ Священномъ Писаніи поразительна; онъ можетъ легко набирать цѣлые ряды текстовъ и фактовъ изъ Писанія, онъ приводитъ тексты рѣдкіе не шаблонные; видно, что онъ внимательно читаль и перечитываль Св. Библию, какъ онъ и самъ объ этомъ говоритъ (стр. 5). Онъ много читаль святоотеческія творенія и читаль опять вдумчиво, съ собственными религіозно-богословскими запросами. Онъ читаль сочиненія философскія, даже отрицательнаго направленія, но опять съ своими собственными тенденціями, выбирая и тамъ зерна истины. Въ сочиненіи автора буквально рядомъ стоятъ преп. Іоаннъ Лѣствичникъ съ В. В. Розановымъ (стр. 200), преп. Симеонъ Новый Богословъ и блаж. Августинъ съ Мережковскимъ. Онъ равно пользуется и житіями святыхъ, и стихами поэтовъ, и беллетристическими произведеніями, и даже рисунками юмористическихъ журналовъ.

Предъ нами ярко выраженный типъ духовнаго человѣка, всегда и всюду неразлучнаго съ богословскими вопросами и интересами. Это типъ—увы!—рѣдкій даже и въ духовной школѣ и тѣмъ болѣе, конечно, цѣнный. Сочиненіе Козырева богато оригинальными мыслями и соображеніями. Онъ пользуется много, напр., книгами проф. прот. Ѳ. А. Голубинскаго. „Православной Θεодицеей“ о. П. А. Флоренскаго, но онъ не

идеть на поводу ни у одного пособия. Сочиненіе мѣстами очень смѣло и по мысли и по изложенію. Языкъ сочиненія ярокъ и красоченъ,—и это при безукоризненной литературности. Сочиненіе читается съ неослабѣвающимъ интересомъ; оно какъ-то невольно подкупаетъ читателя въ свою пользу, такъ что не хочется замѣчать его недостатковъ. Но эти недостатки есть и можетъ быть даже существенные.

Авторъ порою слишкомъ увлекается и хочетъ читать свои мысли тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Такъ онъ во что бы то ни стало желаетъ находить „скрытое указаніе на Пресв. Троицу“ въ первыхъ прошеніяхъ молитвы Господней: первое прошеніе о Богѣ Отцѣ, второе о Богѣ Сынѣ, третье — о Богѣ Духѣ Святомъ. Авторъ самъ называетъ свое „толкованіе“ „новшествомъ“ (стр. 76—77). Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ для него тоже „живыя отраженія Божественной Троицы“ (стр. 85—86). „Подобный же образъ Пресв. Троицы Богъ далъ намъ въ трехъ святителяхъ Греческой (?) церкви—Василіи Великомъ, Григоріи Богословѣ и Іоаннѣ Златоустѣ. Василій Великій—это образъ Отца, Григорій Богословъ—образъ Сына, а Іоаннъ Златоустъ—образъ Духа Святаго. Василій Великій это человѣкъ чувства, человѣкъ съ большимъ сердцемъ, человѣкъ весьма горячій и пылкій и потому (?) именно обнаружившій тѣ „организаторскіе“ таланты, о которыхъ говорятъ многіе патрологи, оцѣнивая его личность. Григорій Богословъ—это человѣкъ глубокаго ума, великій богословъ и поэтъ —мыслитель. Наконецъ, Іоаннъ Златоустъ—это человѣкъ желаній, привязанный къ своей паствѣ, какъ мужъ къ женѣ, это учитель дѣятельной любви, учитель свободы духа“ (стр. 86—87). Едва ли эту характеристику вселенскихъ святителей можно признать точной и не тенденціозной! Да и вообще эта аналогія неудачна.

Организацію Божественнаго Духа (такъ выражается авторъ) г. Козыревъ хочетъ истолковать по образу духа человѣческаго. „Спрашивается, которой изъ трехъ основныхъ силъ Божественнаго Духа принадлежитъ первенство и главенство? Такъ какъ Богъ сходенъ съ человѣкомъ (?), то я для рѣшенія этого вопроса обращусь къ психологін человека“ (стр. 42). „Богъ сходенъ съ человѣкомъ, поэтому (?). каковъ строй человѣческаго духа, таковъ же строй и Божественнаго Духа“ (стр. 62). О строѣ человѣческаго духа и ведутся у автора

подробныя разсужденія; авторъ высказывается за примать чувства (стр. 42—62). Всѣ эти утвержденія слишкомъ рѣзки и опредѣленны; законы естества человѣческаго онъ дѣлаетъ какъ бы законами для существа Божественнаго. Здѣсь требуются существенныя оговорки при томъ характера методологическаго.

Въ первой половинѣ сочиненіе г. Козырева носить болѣе характеръ научный, но во второй половинѣ этотъ характеръ оно теряетъ. Начинаются собственно описанія разныхъ проявленій Божественной сущности. Здѣсь больше лирики, нежели логики, больше красоты, чѣмъ научной строгости, больше расплывчатыхъ образовъ, нежели точныхъ опредѣленій. Что такое, напр., Богъ? „Онъ есть нѣчто очаровательное, нѣжное, ласкающее, Онъ — весна, раннее ясное утро, роса, тихое вѣяніе вѣтерка, аромать свѣжаго весенняго лишь одѣвшагося лѣса, нѣжное пѣніе птичекъ, упоеніе и восторгъ любви, трепеть радости, миръ и тишина... Онъ есть что-то молодое, тихое, кроткое, полное сладости“... (стр. 284). Итакъ, Богъ есть „что-то“! Что такое радость Божества? „Радость Божественная лучезарна и свѣтла, какъ голубое небо. Она невозмутима, ясна и чиста, какъ дѣтство. Она трепетна и ликующа, какъ весна, какъ пѣніе соловья, какъ первая любовь. Въ Богѣ вѣчная весна, вѣчная юность,... вѣчная „первая любовь“ (стр. 207). Вотъ образцы авторскаго стиля. Красиво, но неопредѣленно. Больше чувства, нежели мысли.

Авторъ склоненъ къ „новшествамъ“, но иногда дѣлается прямо неосторожнымъ. „Богъ, пишетъ онъ, и Самъ подобенъ дитяти или младенцу. Вспомнимъ борьбу Бога съ Іаковомъ, вспомнимъ различныя обряды, заповѣданныя евреямъ чрезъ Моисея, вспомнимъ странныя прообразовательныя дѣйствія, которыя Богъ повелѣвалъ совершать пророкамъ. Всѣ эти проявленія Бога носятъ свято-наивный дѣтскій характеръ“ (стр. 97). Что же? Богъ играетъ? Забавляется? „Слово Божіе поэтично, полно образовъ, богато фантазіей. Богъ, можно сказать, поэтъ, частію философъ, но болѣе — поэтъ. „художникъ“ (Прит. 8, 30), „дающій пѣсни въ ночи“, по выраженію книги Іова (35, 10)“ (стр. 108). Но какъ понимаетъ авторъ боговдохновенность Свящ. Писанія? Почему же въ одной Свящ. книгѣ Богъ „частію философъ“, а въ другой

„болѣе поэтъ“? Да и удобно-ли называть Бога, Премудрость, философомъ?

Болѣе мелкихъ замѣчаній, недоумѣній, возраженій можно ставить, кажется, безъ конца. Что это, напр., значить, что тѣло носить образъ Божій (стр. 38—39, 78)? Нужно-бы пояснить эту мысль. Какъ это тѣло есть воплощеніе души (стр. 78)? Откуда это взялъ авторъ, будто „наступаетъ время, подобное первохристіанскому, когда послѣдователи Христа познавали Бога чрезъ явно сходящаго на нихъ Духа“ (стр. 20)? Непріятно какъ то иногда дѣйствуетъ неразборчивость автора. Онъ обильно цитуетъ Слово Божіе, Святоотеческія писанія, хорошія богословскія и философскія сочиненія. Вдругъ среди этого матеріала выписка изъ какой-нибудь ничтожной брошюрки или журнальной статейки. Есть и мелкія ошибки, опіски, много цитатъ изъ вторыхъ рукъ.

Но въ общемъ сочиненіе г. Козырева можно привѣтствовать какъ отрадное явленіе въ нашей духовной школѣ: это живое сочиненіе—плодъ живой религіозной души, для которой богословіе—родная стихія и для которой нѣтъ ничего интереснѣе и радостнѣе богословія. Г. Козыревъ—достойный сынъ духовной школы, которую съ такимъ благодарнымъ чувствомъ (см. Предисловіе) онъ теперь оставляетъ. Вполнѣ заслуженная имъ степень кандидата богословія для него не будетъ случайной привѣской, какъ, къ сожалѣнію, это часто бываетъ, но будетъ вполнѣ соответствовать его внутреннему достоинству“.

18) О сочиненіи студента *священника Крылова Димитрія* на тему: „Духовные представители богословской науки въ Московской Духовной Академіи за столѣтній періодъ ея жизни“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„По совершенно приемимымъ основаніямъ авторъ означеннаго сочиненія сократилъ масштабъ своей работы и говоритъ въ немъ только о ректорахъ Моск. Дух. Академіи и то не за все первое столѣтіе ея существованія, а за первый періодъ, кончая ректорствомъ Архим. Филарета (Гумилевскаго) 1835—1841—и выясненіемъ его вліянія на личность прот. А. В. Горскаго, какъ хранителя тѣхъ традицій, кото-

рья успѣли образоваться въ Моск. Ак. за предшествующее время. (См. предисл. и введ. XVI—XX стр.). И за это, сдѣланное авторомъ въ сокращенномъ масштабѣ, вниманіе его къ почившимъ духовнымъ вождямъ нашей Академіи большое ему спасибо. Это прекрасный, сильный даръ питомца послѣдняго года перваго столѣтія Академіи своей матери, даръ любви, усерднаго труда и вмѣстѣ благоговѣйнаго преклоненія предъ памятью первыхъ тружениковъ и вождей нашей Академіи. Въ смыслѣ привлеченія и разработки доступнаго автору матеріала его сочиненіе представляетъ работу добросовѣстную и стройную. Имъ изучены громадныя по числу страницъ матеріалы для освѣщенія тѣхъ дѣятелей, которыхъ онъ касается въ сочиненіи, напр.: „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета М. Моск. и Колом. по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ“. I—V томовъ, „Хроника моей жизни“ Саввы, Арх. Тверскаго I—IX т.: „Отчеты о состояніи Академіи за нѣсколько десятковъ лѣтъ. сколько ихъ можно было найти; „Дневники“, „Письма“ и записки автобиографическаго характера А. В. Горскаго, Митр. Филарета, Филарета Черниговскаго, Леонтія Митр. Московскаго и прочее.

Для общей части его работы, каковы гл. 1, 2, 4 и общее заключеніе къ I—III главамъ, въ коихъ онъ говоритъ: объ условіяхъ церковно-общественной и государственной жизни, при которыхъ возникла и наша Академія (I гл.), о новой школѣ по сравненію со старой въ смыслѣ ихъ воспитательныхъ и просвѣтительныхъ задачъ и плановъ (2 гл.), о развитіи школы и о разныхъ видахъ ея служенія (4 гл.) и проч. имъ изучены капитальные труды (напр. С. К. Смирнова „Исторія Моск. Академіи“, Филаретъ Арх. Черниговскій: „Обзоръ русской дух. литературы“, Лопухина „Исторія христ. церкви въ XIX ст.“ и проч.) и литература спеціальнаго характера: монографіи, юбилеи, некрологи, мелкія замѣтки и прочее. (См. XXI—XXVII стр. соч.). Словомъ, авторъ д. былъ сдѣлать и сдѣлалъ кропотливую работу собирателя матеріаловъ и систематизатора его. Этимъ только конечно и объясняется, что въ характеристикахъ тѣхъ личностей, о которыхъ онъ говоритъ въ сочиненіи, нѣтъ особенной красочности, живости и, пожалуй, той особенной внутренней полноты, какую бы хотѣлось имѣть;—для этого

нужно долго и много изучать матеріаль до мельчайшихъ штриховъ и нужно быть уже художникомъ. Да авторъ и самъ говорить „что онъ не задается несбыточной надеждой дать подробное и особенно полное сужденіе о каждомъ лицѣ, особенно о знаменитыхъ мужахъ науки“ (стр. IX—XX); такая работа—трудъ многихъ лѣтъ, а ему хочется почтить по мѣрѣ силъ память усопшихъ и поучиться у нихъ“ (XX стр.). Съ точки зрѣнія этой цѣли авторъ сдѣлалъ все, что могъ, и далъ весьма интересный и назидательный матеріаль. Безъ сомнѣнія всякому другому ученому работнику по этому же вопросу сочиненіе о Крылова дастъ много цѣннаго матеріала и облегчитъ трудъ, а для питомца Моск. Академіи это сочиненіе м. доставить нѣсколько пріятныхъ часовъ знакомства съ прошлымъ Моск. Академіи. Нужно искренно пожелать, чтобы о. Димитрій продолжилъ разработку своего труда, изученіе собраннаго имъ матеріала и въ томъ особенно направленіи, чтобы чрезъ всю свою работу провести красной нитью ту мысль, которую онъ высказалъ въ началѣ своего труда (IX стр.), какъ характеристику типической особенности Моск. Академіи, именно: „въ исторіи Моск. Академіи, говоритъ онъ, можно замѣтить одну основную руководящую идею, весьма цѣнную по своему церковному и общественному историческому значенію: идею борьбы за чистоту вселенскаго православія, церковнаго служенія Богу и людямъ, идею религіозной культуры духа на почвѣ вселенскаго православія, идею христіанскаго подвижничества“. Конечно эта идея не специфическая особенность только Московской Академіи, ибо всѣ академіи и открыты для этой цѣли и всѣ уставы Академіи проникнуты этой идеей, но м. б. въ силу какихъ-либо особыхъ условій Моск. Акад. дѣйствительно характерна съ этой стороны осуществленія данной идеи. Это конечно должно было отражаться гл. обр. въ личности ея руководителей, ректоровъ и отъ нихъ болѣе всего зависѣть. Вотъ то, что, думается, авторъ д. б. усматривать и отгѣнять согласно своей идеѣ прежде всего въ личности характеризуемыхъ имъ ректоровъ. У него біографическій матеріаль общаго характера преобладаетъ и подавляетъ конкретность въ обрисовкѣ личности, правда матеріаль, нужно сказать, интересный. За массой этого біографическаго матеріала у него какъ-то блѣдно обрисовано значеніе чисто научнаго

труда ректоровъ и вліяніе ихъ на развитіе богословской науки. Это не упрекъ автору, а только указаніе на будущее направленіе его работы, если онъ ее пожелаетъ продолжить.

Степени кандидата богословія онъ вполне заслуживаетъ“.

б) И. д. доцента *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)*:

„ О. Крыловъ отнесся къ своей работѣ не по-казенному. Любя родную *alma mater*, онъ съ жаромъ и увлеченіемъ работалъ надъ разработкою своей темы. „Задачей и побужденіемъ автора, пишетъ онъ, было—не только почтить память почившихъ (начальниковъ Академіи), но и самому научиться на примѣрѣ ихъ трудовой, часто подвижнической жизни“... И непосредственно затѣмъ заявляетъ: „Многому, незабвенному, высокому научился (отъ нихъ) авторъ“... (стр. XX). Не жалѣя ни времени, ни силъ, о. Крыловъ перечиталъ массу историко-біографическаго матеріала (познакомился даже съ одною рукописью въ Лаврской библ., см. напр., стр. 72 обор., 87—89 и др.) и сдѣлалъ изъ него множество извлеченій и выписокъ (разсматриваемое сочиненіе заключаетъ въ себѣ XXXII+154 стр. большого почтоваго формата+пространныя примѣчанія на оборотѣ листовъ. не отмѣченныя числомъ страницъ).

Авторъ не только заимствовалъ и компилировалъ чужой матеріалъ, но настолько хорошо изучилъ его, что у него образовался собственный взглядъ на прошлое нашей Академіи. Нравственный обликъ первыхъ ректоровъ Академіи запечатлѣлся, можно сказать, въ душѣ автора. О. Крыловъ—не пассивный, а убѣжденный и идейный работникъ. Онъ не просто комбинируетъ сырой матеріалъ, но старается провести въ своей работѣ извѣстную идею. Будучи поклонникомъ старой школы, авторъ старается доказать, что начала церковности, положенныя въ основу Академіи и упроченныя въ ней при первыхъ начальникахъ, создали ту благопріятную почву, на которой явились впоследствии такія свѣтила, какъ Ѳ. А. Голубинскій и А. В. Горскій. Авторъ вѣритъ, что тѣ же начала церковности, на которыя новыми уставами обращено особое вниманіе, могутъ возсоздать и современную намъ Академію. Въ концѣ своей работы онъ высказываетъ

пожеланіе, „чтобы предстоящій юбилей нашей школы воскресилъ во всей силѣ старыя традиціи и духъ бывшей Академіи, чтобы это святое преданіе о почившихъ наставникахъ школы, о бывшей славѣ родной Академіи сдѣлалось достояніемъ не только однихъ типографскихъ станковъ, но и живыхъ душъ современныхъ питомцевъ школы“ (152—153 стр.). Таковъ общій характеръ работы.

Но въ какой мѣрѣ о. Крыловъ выполнилъ поставленную ему задачу? Обширная тема, взятая имъ для разработки, въ предѣлахъ курсового сочиненія могла быть выполнена только въ томъ случаѣ, если бы авторъ, не увлекаясь мелкими историческими и біографическими подробностями, далъ рядъ краткихъ характеристикъ почившихъ ректоровъ Академіи, съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на наиболѣе выдающихся изъ нихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и учено-воспитательной дѣятельности. Авторъ же еще болѣе расширилъ въ своемъ пониманіи и безъ того широкую тему: онъ сталъ, было, писать чуть ли не исторію Академіи, и поэтому трудъ его остался незаконченнымъ. 1, 2 и 4 гл. сочиненія безусловно слѣдуетъ считать уклоненіемъ отъ темы. Въ 1-й гл. авторъ говоритъ о нашествіи французовъ, о господствовавшемъ въ то время въ обществѣ ложно-мистическомъ направленіи, о митрополитѣ Филаретѣ и его отношеніи къ кн. Голицыну и къ Академіи и о др. постороннихъ предметахъ. 2-я глава излагаетъ педагогическія идеи Екатерины II и др. дѣятелей 18 в., подробно трактуетъ о старой школѣ и преобразованной въ началѣ 19 в. Въ 4-й гл. авторъ говоритъ объ ученомъ монашествѣ въ Академіи при первыхъ ректорахъ. Все это, безспорно, имѣетъ слишкомъ далекое отношеніе къ главному предмету темы. Въ частыхъ и пространныхъ примѣчаніяхъ авторъ хотя и сообщаетъ немало небезынтересныхъ свѣдѣній, но также нерѣдко далеко уходитъ въ сторону (особенно на стр. 5 обор., 6 обор., 19 обор. и мн. др.) и загромождаетъ свое изложеніе ненужными подробностями.

О. Крыловъ употребилъ немало старанія и труда и немало сдѣлалъ для разработки своей темы, однако онъ успѣлъ описать только пять первыхъ ректоровъ. Давая часто весьма подробныя свѣдѣнія объ ихъ жизни и дѣятельности, нашъ авторъ старается главнымъ образомъ въ каждомъ изъ нихъ выяснитъ нравственныя достоинства и значеніе для Академіи. О дѣятельности перваго ректора Симеона Крылова

(стр. 24—31) авторъ исчерпалъ, кажется, все, что нашель о немъ въ печати. Подробно охарактеризована, далѣе, высоко-добродѣтельная личность второго ректора — Филарета Амфитеатрова. Съ особенною любовью и болѣе подробно (стр. 31—58) авторъ останавливается на этомъ именно великомъ святителѣ, котораго онъ называетъ отцомъ лучшихъ академическихъ традицій (стр. 58). Въ довольно опредѣленныхъ чертахъ рисуется личность третьяго ректора, Кирилла Богословскаго, дѣятельнаго поклонника аскетическаго идеала (стр. 59—70). Автору удается отгѣнить добрыя черты и въ личности слѣдующаго ректора, архим. Поликарпа (стр. 71—91), все же онъ замѣтно идеализируетъ этого почившаго начальника Академіи и безъ достаточныхъ основаній переоцѣниваетъ его значеніе для дальнѣйшей исторіи Академіи (см. 90—91). Довольно обстоятельно, наконецъ, обрисована съ нравственной и отчасти съ научной стороны и личность пятаго ректора, Филарета Гумилевскаго (стр. 121—137, 144—152). Говоря о послѣднемъ, авторъ попутно описалъ школьные и студенческіе годы Горскаго и сказалъ нѣчто о вліяніи на Горскаго Филарета Гумилевскаго и объ ихъ совмѣстной въ Академіи жизни и дѣятельности. Таковы результаты работы о. Крылова. Жаль все-таки, что авторъ всего лишь семь страницъ (137—144) удѣлил Горскому. Если значеніе Горскаго въ исторіи Академіи должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ, то ему и вниманія слѣдовало бы удѣлить гораздо болѣе. Преемнику Горскаго, Михаилу Лузину авторъ также долженъ бы посвятить хотя нѣсколько страницъ. Впрочемъ, все это не выполнено о. Крыловымъ за недостаткомъ времени.

О. Крыловъ склоненъ приписывать особое значеніе въ исторіи Академіи первымъ ея ректорамъ. Но не впадаетъ ли онъ здѣсь въ ошибку, хотя и невольную и вполнѣ естественную для него, какъ изучившаго жизнь главнымъ образомъ этихъ ректоровъ? По мѣрѣ того, какъ лица и событія отходятъ въ область исторіи, отрицательныя черты и различныя шероховатости все болѣе и болѣе сглаживаются въ нихъ и, такимъ образомъ, прошлое окрашивается для насъ розовымъ свѣтомъ: тогда какъ настоящее, реально-переживаемое нами, всегда заявляетъ намъ о своемъ несоотвѣтствіи идеалу... Такъ и о. Крыловъ, несомнѣнно, думается, переоцѣниваетъ нѣсколько значеніе и дѣятельность первыхъ ректоровъ Академіи. По

хвально стремленіе автора помянуть добромъ тѣхъ, которые болѣе другихъ потрудились надъ созиданіемъ воспитательнаго, церковно-учебнаго строя нашей Академіи, но едва-ли всетаки можно уравнивать въ этомъ отношеніи очень непродолжительную дѣятельность Симеона Крылова съ благотворнымъ вліяніемъ Филарета Амфитеатрова и строгое правленіе аскета — Кирилла съ болѣе слабымъ правленіемъ Поликарпа.

Гораздо болѣе дефектовъ въ работѣ о. Крылова—съ внѣшней, литературной стороны. Прежде всего въ ней поражаетъ отсутствіе порядка, стройности и планомѣрности какъ въ размѣщеніи и расчлененіи матеріала, такъ и при перепискѣ его. Напримѣръ, въ началѣ сочиненія помѣщено предисловіе или введеніе, затѣмъ, исчислены источники и пособія, потомъ оглавленіе и послѣ него самый текстъ сочиненія, причѣмъ первая его глава обнимаетъ 12 страницъ, вторая—9, а третья—79 и пр. У автора нѣтъ также достаточнаго умѣнья изъ многаго извлекать существенное, говорить сжато, кратко и ясно, въ силу чего сочиненіе о. Крылова отличается утомительною для чтенія растянутостію и многословіемъ. Не отличается оно также и литературною обработкою стиля; авторъ часто употребляетъ неудачныя, тяжелыя и даже неудобовразумительныя выраженія, напримѣръ: „...въ лично-подвижническомъ оправданіи теоретическихъ основъ лично-духовной культуры (любимое выраженіе автора) школы“... (стр. 119, см. еще стр. IX, XVI, XVIII, XXX, 58, 76, 120 и др.). Впрочемъ, самъ авторъ сознаетъ эти недостатки: почти цѣлыхъ двѣ страницы онъ посвящаетъ объясненію и извиненію за недочеты во внѣшней сторонѣ своей работы, находя, что онъ представляетъ ее „почти въ черновомъ видѣ“ (стр. XXVIII—XXIX). Наконецъ, авторъ злоупотребляетъ иногда знаками препинанія, многія слова и выраженія ставя безъ нужды въ запятыхъ (стр. VII, XVII, XIX, 6, 18, 35 обор., 49, 147, 148 и др.).

Курсовое сочиненіе о. Крылова свидѣтельствуетъ какъ объ идейномъ направленіи его автора, такъ и объ его трудоспособности и прилежаніи, и поэтому о. Крыловъ вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія. Не обладая стройностію и тщательностію литературной отдѣлки, работа о. Крылова не останется однако бесполезной для него лично, какъ пастыря Церкви. „Молю Бога, пишетъ онъ, да дастъ Онъ

силы почтить эту память (почившихъ наставниковъ Академіи) не только перомъ, но и всей своей жизнью, вѣрной завѣтамъ лучшихъ представителей родной *almae matris!*“ (стр. XX). Да дастъ Богъ нашему автору по желанію его... Пожелаемъ, чтобы о. Крѣловъ дѣломъ оправдалъ свое слово“.

19) О сочиненіи студента священника *Кузнецова Павла* на тему: „Исторія русскаго монашества отъ преп. Сергія до половины XVI в.“

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Періодъ времени, охватываемый сочиненіемъ о. Павла Кузнецова, въ исторіи русскаго монашества м. б. названъ періодомъ расцвѣта по количеству возникшихъ монастырей, и по силѣ духовнаго вліянія представителей подвижничества того времени, по высотѣ монашескаго подвига и по полнотѣ раскрытія и выявленія подвижническаго идеала на Руси. Одна личность великаго подвижника Русской земли, преп. Сергія, достойна исключительнаго вниманія по тому значенію, которое она имѣла въ исторіи русскаго монашества; съ него начинается цѣлая эпоха, отъ него преемственно идетъ цѣлый рядъ учениковъ и духовныхъ дѣтей, основателей монастырей въ разныхъ мѣстахъ сѣвернаго края Россіи. Авторъ хорошо понималъ это значеніе преп. Сергія и потому хорошо сдѣлалъ, что сочиненіе свое предварилъ „введеніемъ“, въ которомъ далъ краткій обзоръ русскаго монашества отъ его возникновенія на Руси до преп. Сергія (см. Введ. 1—16), связавъ т. обр. исторію монашества этихъ періодовъ во-едино и отмѣтивъ тѣмъ самымъ яснѣе разсматриваемый имъ періодъ. Этотъ періодъ авторъ совершенно вѣрно характеризуетъ, называя его „самой блестящей порой въ исторіи нашего монашества. Въ это именно время, говоритъ авторъ, наше русское монашество возродилось и въ количественномъ и въ нравственномъ отношеніи и даже по своимъ идеаламъ нѣсколько приблизилось къ монашеству время Пахомія и Антонія Вел.“ (см. Гл. 1-я, стран. 16).

Мы бы сказали отъ себя, что авторъ въ данномъ случаѣ напрасно какъ-то сдержанно и неувѣренно выражается о русскомъ монашествѣ, что оно только „нѣсколько приблизилось къ монашеству время Пахомія и Антонія Вели-

каго“; русское монашество всегда, съ самаго начала и особенно вотъ въ это время, котораго касается авторъ, по идеаламъ своимъ было восточнымъ и не только близкимъ, но и тождественнымъ съ идеалами древняго восточнаго монашества: даже и по внѣшнимъ своимъ формамъ и по степенямъ воплощенія идеала нравственнаго совершенства оно шло на ряду съ восточнымъ.

Эту самую мысль, только высказанную въ болѣе сдержанной формѣ, какъ мы сказали, авторъ и раскрываетъ въ своемъ сочиненіи, изображая въ 1-й главѣ состояніе монашества во времена преп. Сергія и его ближайшихъ учениковъ (стр. 16—58); во 2-й гл.—при продолжателяхъ дѣла преп. Сергія: преп. Павлѣ Обнорскомъ, Димитріи Прилуцкомъ и Кириллѣ Бѣлозерскомъ (стр. 59—106). Въ этихъ двухъ главахъ авторъ, можно сказать, набрасываетъ болѣе внѣшнюю картину состоянія монашества при преп. Сергіи, его ученикахъ и продолжателяхъ его дѣла. Здѣсь даются біографіи преподобныхъ, начиная съ преп. Сергія, описываются ихъ труды по созданію обителей, вліяніе послѣднихъ на разныя стороны русской жизни, словомъ раскрывается та сѣть русскихъ монастырей, которая, начавшись отъ Лавры преп. Сергія, охватила сѣверные предѣлы Руси. III-я глава сочиненія (107—122) касается, хотя и бѣгло, внутренней стороны жизни монашествующихъ XIV и первой половины XV в., говоритъ о нормахъ монашеской жизни и о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ монашества. Такъ авторъ въ указанныхъ трехъ главахъ своего сочиненія умѣло объединяетъ тѣ задачи, которыя онъ и д. былъ выполнить, т. е.: изложить исторію русскаго монашества въ указанный темой періодъ не только, или вѣрнѣе, *не столько* со стороны внѣшней, т. е. роста обителей, увеличенія числа монашествующихъ, а съ внутренней, т. е. со стороны тѣхъ переменъ въ области монастырскихъ нравовъ, какіе наблюдались въ данный періодъ въ связи съ тѣми или иными иноческими идеалами и взглядами, которыми руководилось монашество въ своей жизни. Для достиженія этой цѣли авторъ д. былъ сосредоточивать свое вниманіе по преимуществу на главнѣйшихъ представителяхъ монашества даннаго періода и попытаться прослѣдить, насколько въ ихъ жизни и дѣятельности находили выраженіе идеалы истинной монашеской

жизни, какія перемѣны они вносили въ монастырскую среду, какіе идеалы были имъ присущи и въ чемъ они усматривали задачу и цѣль монашества въ отношеніи къ міру.

Можемъ сказать, что автору удалось осуществить въ извѣстной мѣрѣ поставленную задачу его сочиненія, хотя у него и замѣтенъ уклонъ въ сторону болѣе легкаго, т. е. въ сторону внѣшней исторіи монашества. Конечно она даетъ болѣе матеріала, болѣе фактовъ, особенно въ той громадной литературѣ, которую просмотрѣлъ авторъ (см. вступленіе III—IX); да и по существу дѣла эта сторона работы не только не лишняя, но необходима и цѣнна, а потому и то, что мы сказали для характеристики сочиненія, не д. понимать какъ упрекъ автору. Въ такомъ же родѣ и характерѣ идетъ работа автора и въ дальнѣйшемъ: IV-я глава его сочиненія имѣетъ предметомъ состояніе монашества во второй половинѣ XV и первой половинѣ XVI в.в., когда монашество, по словамъ автора, благодаря уже воспитавшемуся въ нашихъ предкахъ аскетическому міросозерцанію продолжало развиваться и расцвѣтать (122 стр.). Самый интересный моментъ этого періода — дѣятельность Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго и ихъ вліяніе на монашество описано авторомъ кратко, но достаточно красочно и ясно.

Заканчиваетъ свое сочиненіе авторъ обзорѣніемъ тѣхъ мѣръ, кои выработаны были Стоглавымъ Соборомъ относительно внутренняго устройства монашеской жизни. Все сочиненіе читается съ интересомъ и легко, благодаря ясности языка и литературной обработкѣ рѣчи.

Степени кандидата богословія авторъ исполнѣ заслуживаетъ“.

б) И. д. доцента А. М. Туберовскаго:

„Не обширная по объему (IX+199 стр.) и не сложная по содержанию (вступленіе, введеніе, 4 главы изложенія), работа о. Павла Кузнецова представляетъ собою рядъ жизнеописаній и характеристикъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей монашества указаннаго темою періода: преп. Сергія съ его многочисленными учениками и собесѣдниками, Пафнутія Боровскаго, Іосифа Волоколамскаго, Нила Сорскаго и др. Попутно указывается ихъ значеніе въ исторіи монашества

на Руси, ихъ вліяніе на умонастроеніе эпохи, на выработку аскетическихъ идеаловъ. Особенно типично обрисованы контрастныя личности Волоколамскаго и Сорскаго подвижниковъ. Достоинствомъ работы является, между прочимъ, обрисовка той или другой личности словами первоисточника. Матеріаль, которымъ пользовался авторъ, включая сюда и пособія, кажется намъ вполне достаточнымъ. По прочтеніи работы о. Павла Кузнецова, отъ исторіи монашества за указанный періодъ получается впечатлѣніе, какъ отъ живой, хотя и не искусно поставленной, картины.—Отрицательную сторону сочиненія составляетъ, прежде всего, множество грамматическихъ ошибокъ. Не смотря на все удобство печатнаго шрифта, можно только пожалѣть, что авторъ, вмѣсто пера и чернилъ, пользовался пишущей машиной. Такъ безцеремонна оказалась эта машина въ отношеніи орфографіи! Другой недостатокъ—отсутствіе литературнаго языка. Слогъ автора не только лишенъ изящества и ритма, но и весьма часто правильности, иногда даже вразумительности. Послѣдняя черта объясняется, быть можетъ, поспѣшностью работы, когда контроль надъ словами уступаетъ мѣсто безудержному порыву впередъ. Словомъ, внѣшнюю сторону работы о. Павла Кузнецова нельзя остаться довольнымъ. Но принимая во вниманіе удовлетворительность первой, болѣе важной стороны—содержанія, мы признаемъ автора степени кандидата богословія заслуживающимъ“.

20) О сочиненіи студента *Лебедева Александра* на тему: „Инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ и его литературные труды“.

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Въ ученой литературѣ о Вассіанѣ Патрикѣевѣ сказано не мало. Но всѣ разысканія и свѣдѣнія о немъ, по частямъ разбросанныя въ разныхъ изслѣдованіяхъ, даже въ своей общей совокупности не могутъ дать вполне цѣльнаго представленія объ его жизни и трудахъ. Отсюда—давно ощущаемая потребность въ нарочитомъ изслѣдованіи о Вассіанѣ, которое бы обнимало всю его жизнь и литературную дѣятельность въ полномъ объемѣ. Опытъ такого изслѣдованія представляетъ собою сочиненіе г. Лебедева.

Для выполненія своей задачи автору нужно было—а) со-

брать и изучить все то, что ранѣе было сказано различными изслѣдователями о Вассіанѣ Патрикѣевѣ, в) углубиться до изданныхъ и неизданныхъ источниковъ, на основаніи которыхъ сложились научныя представленія о немъ и его литературныхъ трудахъ, чтобы самостоятельнымъ критическимъ изученіемъ этого матеріала провѣрить правильность или ошибочность всѣхъ сужденій о немъ, с) собранныя, дополненныя новыми разысканіями и проанализированныя такимъ образомъ данныя объединить въ цѣлостномъ изображеніи жизни и литературныхъ трудовъ Вассіана.

Нужно признать, что авторъ выполнилъ свою задачу съ весьма значительнымъ успѣхомъ: онъ старательно собралъ весь печатный и рукописный матеріалъ, критически изучилъ его, выбралъ изъ него все болѣе цѣнное и характерное и привелъ все въ связь и порядокъ, такъ что въ общемъ получилась довольно обстоятельная монографія о Вассіанѣ Патрикѣевѣ.

Она раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая (стр. 3—161 почт. л. больш. формата) посвящена біографіи Вассіана, а вторая (162—213)—его литературнымъ трудамъ. Въ краткомъ заключеніи (214—217) дана обобщенная характеристика его. Кромѣ перечня „источниковъ и пособій“ къ изслѣдованію присоединены въ качествѣ приложений тексты нѣкоторыхъ сочиненій Вассіана Патрикѣева по новымъ спискамъ и нѣкоторыхъ памятниковъ, относящихся къ его біографіи, а именно: подъ № 1—„посланіе Іосифа Волоцкаго къ великому князю Василю Ивановичу о Вассіанѣ архимандритѣ и о прочихъ еретикахъ“, по ркп. Румянц. Муз. № 610; подъ №№ 2, 4 и 5—„сѣбраніе нѣкоего старца на воспоминаніе своего общанія“ по 3-мъ спп.; подъ № 3—„правило свв. отецъ халкидонскаго собора о обидящихъ святыхъ божія церкви“; подъ № 6—„о тщеславіи юныхъ творящихъ новоканоны и житія святыхъ“; подъ № 7—„повѣсть зѣло полезна“...

Первая часть сочиненія выполнена по весьма широкой программѣ, въ составъ которой послѣдовательно введены не только всѣ вопросы біографіи Вассіана Патрикѣева, начиная отъ его родословной и кончая его смертію, но и почти всѣ моменты его литературной и книжной дѣятельности. При этомъ и обстоятельства его жизни, и вся его дѣятельность,

выразившаяся въ полемикѣ по вопросамъ о монастырскихъ владѣнiяхъ, о вдовыхъ священнослужителяхъ, объ отношенiяхъ къ еретикамъ и по другимъ животрепещущимъ вопросамъ времени, связаны авторомъ надлежащимъ образомъ съ соотвѣтствующей исторической перспективой. Въ живомъ и продуманномъ изображенiи автора Вассiанъ выступаетъ крупной фигурой своего вѣка, „какъ идейный литературный труженикъ, передавшiй въ наслѣдiе потомству свои литературныя произведенiя“, какъ „популяризаторъ мiросозерцанiя Нила Сорскаго“, „какъ неподкупный борецъ за свои идеи, сумѣвшiй запечатлѣть ихъ потерей собственнаго благополучiя“.

Во второй части авторъ разсматриваетъ подлинныя сочиненiя Вассiана Патрикѣева, Кормчую книгу его редакцiи, сочиненiя, предположительно приписываемыя ему, и въ частности извѣстную „Бесѣду Сергiя и Германа“. Объемъ литературной дѣятельности Вассiана автору представляется не особенно широкимъ. Кромѣ пяти извѣстныхъ трактатовъ, посвященныхъ полемикѣ съ идеями Юсифа Волоцкаго, и Кормчей Вассiана авторъ предположительно приписываетъ ему: 1) „писанiе старцевъ Вологодскихъ монастырей противъ Юсифа“ и 2) „любопрепитательное посланiе“. Но онъ не находитъ возможнымъ приписать ему на усвоенныхъ ему Жмакинымъ двухъ трактатовъ, вошедшихъ въ Кирилло-Бѣлозерскiй сборникъ № 21—1098, ни извѣстной „Бесѣды Сергiя и Германа“, которую нѣкоторые изслѣдователи считали произведенiемъ Вассiана.

Вторая часть изслѣдованiя по тщательности и обстоятельности значительно уступаетъ первой. Обо всѣхъ разбираемыхъ произведенiяхъ авторомъ сообщаются библиографическiя свѣдѣнiя, производится разысканiе ихъ списковъ, излагаются о каждомъ изъ нихъ ученыя мнѣнiя и высказываются болѣе или менѣе вѣскiя собственныя соображенiя автора. Но читатель вправѣ былъ бы ожидать отъ него болѣе детальнаго анализа разсматриваемыхъ сочиненiй со стороны ихъ содержанiя и литературныхъ приемовъ, а также опредѣленiя ихъ источниковъ и въ особенности анализа Кормчей Вассiана Патрикѣева. Съ другой стороны, подробный пересказъ содержанiя „Бесѣды Сергiя и Германа“ (стрр. 198—205) представляется совершенно излишнимъ.

Къ числу важнѣйшихъ недочетовъ сочиненія надобно отнести недостаточную выдержанность критическаго метода. Въ общемъ и въ біографической, и въ историко-литературной части сочиненія авторъ орудуетъ надъ первоисточниками своего предмета, которые подъ его перомъ пріобрѣтаютъ продуманную и критическую обработку. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ научный методъ покидаетъ его; ему хочется не столько *изслѣдовать*, сколько *описывать*, не столько идти въ глубь предмета, сколько отдѣлывать его внѣшность. Въ такихъ случаяхъ изслѣдователь уступаетъ дорогу повѣствователю, и, къ удивленію читателя, авторъ начинаетъ сообщать свѣдѣнія, съ слѣпымъ довѣріемъ взятыя изъ разныхъ легко-вѣсныхъ пособій, не поинтересовавшись и не заинтересовавши читателя не только ихъ провѣркой, но даже и вопросомъ объ ихъ источникѣ. Такъ изложена не одна страница біографіи Вассіана, особенно изъ раннѣйшаго періода его жизни. Въмѣсто указаній на источники здѣсь пестрятъ имена Новикова, проф. Иконникова, Венгерова, ссылки на энциклопедическіе словари Южакова, Березина, Брокгауза-Ефрона. Изъ многихъ такихъ мѣстъ приведемъ нѣсколько. Авторъ повѣствуетъ, что Вассіанъ Патрикѣвъ въ 1493 году взялъ у поляковъ городъ Вязьму, а въ 1495 г. былъ въ войскѣ великаго князя Ивана Васильевича, и при этомъ слѣдуетъ ссылка на Новикова, Древн. Росс. Вивліюника, т. XVII, стр. 194; въ 1496 г. Вассіанъ прославился въ битвѣ противъ шведовъ,—и ссылка на Венгерова, Критико-біографической словарь русскихъ писателей, т. IV, отд. 2; Вассіанъ былъ главнымъ воеводою въ „Большомъ полку“,—и ссылка на энциклопедическіе словари Южакова и Березина; „Вассіанъ, по свидѣтельству исторіи, получалъ хорошіе доходы“,—и ссылка, какъ на „исторію“, на „Приб. къ твор. свв. отцовъ“, годъ IX, кн. 2, стр. 521; „во время пребыванія Вассіана въ Симоновомъ монастырѣ... съ нимъ часто видѣлся и бесѣдовалъ великій князь“,—и ссылка: статья о Вассіанѣ въ „Богословской энциклопедіи“ Лопухина; „въ Москвѣ, опираясь на княжескую протекцію, Вассіанъ проживалъ то въ Симоновомъ, то въ Чудовомъ монастырѣ“,—и ссылка: статья о Вассіанѣ въ энциклопедіи Брокгауза-Ефрона; Вассіанъ грозилъ разрушить Волоколамскій монастырь,—и ссылка на Жмакина. Такихъ случаевъ въ построеніи біографіи

Вассіана Патрикѣва можно привести не мало (ср. стрр. 27, 107, 161). Иногда невниманіе къ требованіямъ критическаго метода у автора доходитъ до того, что онъ даже выражается: „по свидѣтельству Венгерова“ и т. под. (см. стр. 113). Впрочемъ, можетъ быть подобныя мѣста представляютъ собою просто неудачныя выраженія.

Отмѣченную некритичность приѣмовъ автора приходится отмѣтить съ тѣмъ большей досадою, что въ большинствѣ слѣчаевъ онъ стоитъ на высотѣ истинно-критическаго метода, который приводитъ его въ окончательномъ итогѣ къ весьма цѣннымъ результатамъ изслѣдованія и помогаетъ ему вносить весьма основательныя, заслуживающія полного одобренія, поправки даже въ наблюденія такихъ изслѣдователей, такъ Тихонравовъ (см. стр. 174—175). Жмакинъ (стр. 193) и др.

Недоведенный до конца критическій методъ мститъ за себя также нѣкоторыми недоговоренностями въ разборѣ памятниковъ, которые имѣли бы право на болѣе тщательное ихъ разслѣдованіе. На стр. 96 авторъ говоритъ: „въ своихъ сужденіяхъ по всѣмъ вышеуказаннымъ вопросамъ Вассіанъ руководился, главнымъ образомъ, сочиненіями Никона Черногорца, изъ которыхъ многія шли прямо къ защищавшемуся имъ дѣлу“. Однако, онъ не далъ себѣ труда подробнѣе сопоставить Пандекты Никона съ трактатами Вассіана и въ дальнѣйшемъ всѣ сопоставленія взялъ изъ вторыхъ рукъ. На стр. 190—193 авторъ прекрасно поправляетъ Жмакина. слившаго надписанія двухъ статей Кирилло-Бѣлозерскаго Сборника въ одно, но здѣсь весьма умѣстно было бы отмѣтить, что вторая изъ нихъ—„Истолкованіе св. изображенія православныя нашея вѣры, еже есть вѣрую во единого Бога“—извѣстна по древнимъ спискамъ, предшествующимъ эпохѣ Вассіана Патрикѣва.

Отмѣчаемъ эти недостатки сочиненія съ полнымъ признаніемъ его достоинствъ. Кромѣ указанныхъ уже цѣнныхъ свойствъ его, — тщательнаго изученія первоисточниковъ, преобладанія правильнаго метода, основательности выводовъ, — къ нимъ слѣдуетъ присоединить добросовѣтность работы, цѣльность и законченность построенія, наконецъ, хорошую литературную обработку изложенія.

Въ общемъ сочиненіе нельзя не признать весьма хоро-

шимъ и его автора вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

б) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„Задачей своего сочиненія авторъ полагаетъ составленіе „возможно полной и всесторонней монографіи“ объ инокѣ Вассіанѣ Патрикѣевѣ. Чтобы осуществить преднамѣченную цѣль, авторъ проштудировалъ значительное количество пособій и источниковъ, извлекъ изъ нихъ нужный матеріалъ и придавъ ему хорошую литературную форму. Въ общемъ получилось дѣйствительно достаточно полное обслѣдованіе жизнедѣятельности инока Вассіана.

Но отъ частныхъ упрековъ сочиненіе г. Лебедева не свободно. Авторъ слишкомъ увлекается пособиями въ ущербъ первоисточникамъ, такъ что сочиненіе его въ немалой своей части представляется сводомъ положеній, находящихся въ разныхъ изслѣдованіяхъ, а не извлекаемыхъ изъ первоисточниковъ самимъ авторомъ, хотя бы повѣрочно. Увлеченіе пособиями иногда доходитъ у автора какъ будто до смѣшенія пособій съ первоисточниками. На стр. 113 авторъ пишетъ: „по свидѣтельству Венгерова, Вассіанъ занимался пересмотромъ русскихъ богослужебныхъ книгъ „наряду съ кормчей“. На стр. 78: „немедленно за „Разсужденіемъ“ (сочиненіемъ Вассіана), по свидѣтельству Жмакина, появилось написанное Іосифомъ „Отвѣщаніе любозазорнымъ“. Подобное же выраженіе встрѣчается на стр. 182 („по свидѣтельству г. Павлова“). Какое значеніе для XVI в. имѣютъ свидѣтельства современныхъ намъ писателей! Впрочемъ допускаемъ, можетъ быть, авторъ, самъ не замѣчая, въ приведенныхъ мѣстахъ сказалъ не то, что хотѣлъ выразить.

Степени кандидата богословія сочиненіе вполне заслуживаетъ“.

21) О сочиненіи студента *Лебедева Николая* на тему: „Волоколамскій Патерикъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Волоколамскій Патерикъ—интересный, но мало обслѣдованный, даже неизданный до сихъ поръ памятникъ. Имъ

занимались: покойный Ключевскій и здравствующій проф. Кадлубовскій; первый изучалъ Патерикъ какъ историческій источникъ, второй—какъ литературный памятникъ. Задача г. Лебедева продолжить изученіе Волоколамскаго Патерика: „1) дать болѣе подробныя свѣдѣнія объ авторѣ и обстоятельствахъ написанія Патерика; 2) выяснить, на основаніи имѣющихся списковъ этого памятника, его составъ; 3) распространить литературную характеристику и на тѣ части Патерика, которыхъ не коснулся въ своемъ (4-мъ) „Очеркѣ“ проф. А. П. Кадлубовскій; 4) рассмотреть Патерикъ какъ историческій источникъ для изученія эпохи и среды породившей его и, наконецъ, 5) издать этотъ до сихъ поръ еще неизданный, за исключеніемъ незначительной части, Патерикъ по имѣющимся на лицо его спискамъ“ (VII).

Эту задачу авторъ выполнилъ вполне удовлетворительно и самостоятельно. Прежде знали Волоколамскій Патерикъ въ одной ркп. Синодальной Б-ки № 927. Г. Лебедевъ изучаетъ кромѣ того Волоч. ркп. № 664, Рум. Муз. № 1257, Волоч. № 530 и приходитъ къ выводу, что наиболѣе точно первоначальный составъ Патерика сохранила Волоколамская ркп. № 664 (Синодальная ркп. является уже вторичной редакціей). Названная сейчасъ Волоколамская рукопись обширнѣе остальныхъ: въ числѣ статей Патерика она помѣщаетъ житіе преп. Пафнутія Боровскаго и Надгробное Слово Іосифу Волоцкому. Надгробное Слово, какъ извѣстно, писано Досифеемъ Топорковымъ, авторомъ Волоколамскаго Патерика, но ему же, по мнѣнію г. Лебедева, принадлежит и первоначальная редакція житія преп. Пафнутія, которое лишь въ нѣсколькихъ спискахъ производной редакціи надписывается именемъ архіеп. Вассіана (Санина). Вопросъ о времени написанія Патерика опять таки рѣшается самостоятельно (съ 1526 или 1536 по 1546 г.г.). Разбирая Патерикъ какъ литературный памятникъ, нашъ авторъ обнаруживаетъ большую освѣдомленность въ патеричной и вообще агиографической письменности,—онъ отыскиваетъ массу параллелей Повѣстямъ о. Пафнутія и Іосифа. Оцѣниваетъ изучаемый памятникъ довольно полно со стороны матеріала для исторіи древне-русской церкви и монастырскаго быта, для исторіи древне-русскаго міросозерцанія. Наконецъ, съ большою тщательностію г. Лебедевъ prepares памятникъ къ изданію.

по Волоколамской ркп. № 664 съ вариантами изъ остальныхъ и съ дѣльными примѣчаніями.

Въ частности можно найти недочеты и неясности. Если житіе Пафнугія принадлежитъ Досифею Топоркову, то какъ объяснить появленіе имени Вассіана на нѣкоторыхъ его спискахъ? Не всѣ сказанія и не вся литература объ ангелахъ Среды и Пятка извѣстны автору (133 слѣд.). То же слѣдуетъ замѣтить и относительно чуда закалаемаго Отроча въ таинствѣ Евхаристіи (103—113). Говоря о Волоколамскомъ Патерикѣ, какъ историческомъ источникѣ, авторъ сообщаетъ, что отсюда мы узнаемъ, какъ постригающійся въ монашество давалъ въ XV—XVI в.в. обѣты дѣвства, нестяжанія и проч. (143). Но само собою ясно, что эти показанія не имѣютъ никакой исторической цѣны, потому что говорятъ объ общепизвѣстномъ фактѣ.

Впрочемъ указанныя частности немногочисленны и не портятъ общаго прекраснаго впечатлѣнія, которое производитъ сочиненіе г. Лебедева“.

б) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„Сочиненіе г. Лебедева состоитъ изъ введенія, четырехъ главъ изложенія и приложений. Во введеніи (стр. I—VII) авторъ представляетъ свѣдѣнія о Волоколамскомъ патерикѣ, имѣющіяся въ наукѣ. Послѣ обозрѣнія ихъ онъ сводитъ свою задачу къ повѣркѣ существующихъ свѣдѣній и къ восполненію ихъ (VII стр.). Соответственно поставленной задачѣ авторъ разрѣшаетъ въ 1-ой главѣ (стр. 1—35) вопросъ о составителѣ Волоколамскаго патерика. Затѣмъ во 2-ой главѣ (стр. 37—70) разсматриваетъ обстоятельства и время составленія Волоколамскаго патерика, его планъ, списки, составъ и т. п. Въ 3-ей главѣ (стр. 71—136) говоритъ о Волоколамскомъ патерикѣ „какъ литературномъ памятникѣ“. Здѣсь авторъ доказываетъ вліяніе на Волоколамскій патерикъ переводной агиографической литературы, преимущественно тоже патериковъ, и опредѣляетъ степень этого вліянія. Въ 4-ой главѣ (стр. 137—169) авторъ характеризуетъ Волоколамскій патерикъ „какъ историческій источникъ“ и приэтомъ старается изложить систематически содержащійся въ патерикѣ историческій матеріалъ. Въ приложеніи авторъ

помѣщаетъ текстъ Волоколамскаго патерика по рукописи Волоколамскаго монастыря (№ 664), съ соблюденіемъ особенностей письма подлинника. Подъ строкой приводитъ варианты изъ другихъ рукописей (стр. 1—204). Далѣе въ приложеніи слѣдуютъ повѣсти „о свѣтломъ понедѣльникѣ“ по рукописи Московской Синодальной Библіотеки, № 927 (стр. 204—207), распространенная редакція повѣсти о Пафнутіи о великомъ мору, по рукописи Московской дух. академіи, № 185 (стр. 208—213) и объяснительныя примѣчанія къ тексту Волоколамскаго патерика (стр. 214—243).

Уже изъ одного простого обзорѣнія содержанія разсматриваемаго сочиненія можно видѣть, что г. Лебедевъ совершенно правильно понялъ свою задачу. Ближайшее же знакомство съ работой убѣждаетъ и въ удачномъ выполненіи ея. Сочиненіе г. Лебедева отличается приѣмами научнаго изслѣдованія. Какъ кандидатское—оно должно быть отнесено къ числу лучшихъ“.

22) О сочиненіи студента *священника Левковскаго Александра* на тему: „Личная отвѣтственность и социальная закономѣрность. (Разборъ аргументовъ противъ личной отвѣтственности, опирающихся на социологическія основанія)“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Таръева*:

„Небольшая тетрадка (85 страницъ). Работа—мозаическая. Она далѣе всего отъ того, чтобы быть пересмотромъ вопроса. Это не что иное, какъ апологетическое использование доступной автору литературы предмета, причемъ апологетическое содержаніе предполагается въ наличномъ состояніи социальной науки, а все качество отвѣта опредѣляется размѣрами изученной литературы. На первыхъ тринадцати страницахъ свящ. Левковскій посредствомъ выписокъ изъ разныхъ авторовъ—Несмѣлова (преимущественно), Джемса, Гефдингга, Трубецкаго С. Н., Бинэ—устанавливаетъ несомнѣнность личной свободы. Метафизика и психологія, наука и этика, описаніе и обоснованіе здѣсь перемѣшиваются: мысль, какъ флюгеръ, прислушивается то къ тому, то къ другому авторитету, хотя все наклоняется въ одну сторону—утвержденія человѣческой свободы. Болѣе послѣдователенъ авторъ въ центральной части своего изслѣдованія (стр. 13—50); въ

§ 2. *Закономѣрность явленій соціальной жизни* и части § 3. *Разборъ аргументовъ соціологическаго характера противъ личной отвѣтственности.* Здѣсь излагается достаточно ясно понятіе соціальной закономѣрности, характеризуется статистическій методъ изслѣдованія и устраняются детерминистическіе выводы изъ теоріи статистики. Опорой служатъ книги и статьи Рейхесберга, Майра, Кауфмана, Дробиша, Кондратьева, Вормса. Авторъ достаточно изучилъ вопросъ, чтобы уловить самый центральный пунктъ въ апологетическомъ освѣщеніи статистическаго метода, что онъ и высказываетъ словами Вормса на стр. 50. „О статистическомъ методѣ, вскрывающемъ соціальную закономѣрность, сказать нужно слѣдующее: „пригодный вообще для изученія соціальной жизни, онъ не можетъ съ одинаковымъ удобствомъ примѣняться ко всѣмъ категоріямъ соціальныхъ явленій. Онъ пригоденъ лишь для явленій, имѣющихъ матеріальную основу. Давая полезныя указанія на общія явленія соціальной жизни, онъ не проникаетъ въ интимную жизнь отдѣльнаго лица, не вскрываетъ коренной основы индивидуальной дѣятельности“, „потому что—добавляетъ отъ себя авторъ—интимная сущность человѣческой личности есть надматеріальная реальность, представляющая собою высоко-цѣнный синтезъ разума, творчества, свободы и нравственности“. Оставляя въ сторонѣ это риторическое добавленіе автора, нужно признать рѣшающимъ моментомъ въ вопросѣ объ отношеніи личности къ соціальной закономѣрности то обстоятельство, что послѣдняя прилагается исключительно къ коллективной жизни, къ совокупностямъ (все равно, реальное ли это единство, или нѣтъ), а не къ единицамъ, входящимъ въ составъ коллектива, не къ единичнымъ случаямъ. Однако этотъ тезисъ развитъ въ реферлируемомъ сочиненіи не съ тою полнотою, которой можно бы требовать, — иначе сказать, авторъ не исчерпалъ всего, что давала ему наличная литература. Ему недостаетъ знакомства съ трудами Рюмелина, Гротенфельта и мн. др. Особенно заслуживаетъ сожалѣнія, что не использованъ классическій трудъ А. А. Чупрова, котораго авторъ однажды цитируетъ, очевидно, изъ чужихъ рукъ. Указанный тезисъ обоснованъ у Чупрова болѣе полно, чѣмъ у кого-либо.

Недостаткомъ въ изложеніи автора нужно признать и то.

что онъ не различаетъ понятій единичности и свободы. Устойчивость статистическихъ чиселъ, какъ относящихся исключительно къ массамъ, не ведетъ къ детерминированности человѣческихъ дѣйствій. Но для социальной науки возможная свобода воли есть возможность очень отдаленная, абстрактная, скрывающаяся за болѣе близкимъ понятіемъ индивидуальности, единичности. „Если мы,—слова А. А. Чупрова—измѣривъ ростъ тысячи рекрутъ, найдемъ, что средняя величина роста равна a сантиметрамъ, то число a ничего не скажетъ намъ о томъ или иномъ изъ перемѣренныхъ новобранцевъ: оно можетъ быть использовано лишь какъ характеристика всей ихъ массы“... Итакъ, статистикой не захватывается индивидуальность, индивидуальный случай. Этого однако слишкомъ мало для цѣлей философіи. Индивидуальный случай не то же, что святыня, цѣнность. Философія же должна обосновать святыню свободной личности, и это есть ея собственная задача, такъ что она не можетъ питаться лишь крошками, падающими со стола науки, теоріи статистики, великодушно признающей индивидуальный случай. Она должна стоять на своихъ ногахъ, имѣть свою точку опоры — религіозно-мистическую личность, глубины которой не только, въ качествѣ индивидуальнаго случая, не захватываются статистикой, но и не переводимы на языкъ социальныхъ выкладокъ. Помимо такой самобытной опоры философія просто упраздняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ остается безъ рѣшенія проблема отношеній личности и общества, поскольку въ эмпирической области нѣтъ выхода изъ круга: ни общество безъ личностей, ни личность безъ общества,— общество нуждается въ личностяхъ, а личность есть лишь пунктъ пересѣченія социальныхъ теченій. При нѣкоторой внимательности легко подмѣтить всю бесплодность (позитивныхъ) сужденій о роли личности въ общественномъ развитіи, хотя бы они облакались въ самую пылкую реторику, если только міропониманіе не возвышается до интимной религіи. Свящ. Левковскій прошелъ мимо обширной литературы по философіи мистической личности и совершенно не затронулъ различія между психологическимъ субъектомъ и мистической душой. Это тѣмъ болѣе странно, что онъ (на 77 стр.) заводитъ рѣчь о психологическомъ субъективномъ пути, который, какъ можно убѣдиться на социологіи Михай-

ловскаго, терпитъ рѣшительное крушеніе въ предѣлахъ позитивизма. Проф. Карѣевъ, на котораго авторъ ссылается на стр. 57, также не можетъ быть здѣсь надежнымъ руководителемъ.

Со стр. 50 авторъ переходитъ къ бѣглому разсмотрѣнію многихъ пунктовъ, случайно привлечшихъ его вниманіе. Стр. 51—53 излагаются сужденія Зиммеля въ *Соціальной дифференціаціи* о социальныхъ условіяхъ роста человѣческой личности. Почему же авторъ ограничивается только Зиммелемъ (и только одной его книгой), а не разсматриваетъ интересныхъ взглядовъ Лаврова, Дюркгейма, Коркунова!

На стр. 53—54 по книгѣ проф. Исаева *Вопросы социологии* авторъ затрогиваетъ тему о разной зависимости отъ социальной среды разныхъ сторонъ человѣческой дѣятельности. Почему же опущены Лабріюла, Де-Греефъ, Лакомбъ, Келлесъ-Краузь?

Не обходитъ молчаніемъ авторъ и экономическаго матеріализма. Дѣлается выписка изъ пресловутаго предисловія къ „Критикѣ нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“ Маркса въ неправильномъ переводѣ, что нынѣ уже не простительно. Цитируется (стр. 61) Штамллера *Хозяйство и право* безъ указанія тома. Критика экономическаго матеріализма крайне слаба.

На стр. 66—67 выступаетъ и органическая теорія общества, которая на двухъ страницахъ и поражается на смерть словами Михайловскаго.

На стр. 68—74 по книгѣ Шишко *По вопросамъ исторіи и социологии* освѣщается вопросъ о законѣ естественномъ, социологическомъ и историческомъ. Авторъ не имѣетъ представленія о различіи законмѣрности социальной и законмѣрности исторической и объ относящейся сюда литературѣ.

На стр. 74 называется „свободный законъ“. Это напоминаетъ рецензенту Дройзена, который имѣлъ серьезныхъ литературныхъ противниковъ.

На послѣднихъ страницахъ авторъ снова возвращается къ вопросу о свободѣ и „психологическимъ путемъ выходитъ изъ глубокаго логическаго противорѣчія“...

Но, несмотря на всю эту безпомощность автора, на всѣ эти недостатки, его можно признать заслуживающимъ сте-

пени кандидата богословія. Въ предисловіи къ своей тетрадкѣ онъ свидѣтельствуеть о той пользѣ, которую вынесъ для себя отъ занятій по данному вопросу. Сознывая недостаточность своей работы, онъ пишетъ: „мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что... затронутый нами вопросъ все-таки выяснился для нашего непосредственнаго сознанія и для нашей совѣсти: мы убѣдились, что соціологическая точка зрѣнія на человѣческую личность ничѣмъ не грозитъ послѣдней“. Дѣйствительно, авторъ поработалъ не мало“.

б) И. д. доцента священника П. А. Флоренскаго:

„Небольшое (II+85 стр.) сочиненіе о. Александра Левковскаго отмѣчено личною заинтересованностью Автора въ обсуждаемой имъ темѣ и написано съ живостью и искренностью. „Соціологическая точка зрѣнія на человѣческую личность, какъ на продуктъ общественной среды, въ которой всѣ явленія протекають закономѣрно, сильно встревожила нашъ внутренній міръ“, — такъ начинается о. Александръ свое сочиненіе, и отъ словъ его вѣетъ искренностью. „Намъ показалось,—продолжаетъ онъ—, что новый (? П. Ф.) взглядъ на личность грозитъ послѣдней рѣшительнымъ разрушеніемъ ея, а отсюда—и разрушеніемъ нашего міровоззрѣнія и жизнепониманія---Столь тревожныя мысли о человѣкѣ, внушающія уродливыя нравственныя понятія, вызвали въ нашемъ сознаніи крайнюю потребность разобраться въ затронутомъ нами вопросѣ“ (стр. 1). А въ заключеніе своей работы, онъ, съ похвальною твердостью, утверждаетъ, „что соціологическая аргументація не уничтожаетъ личную отвѣтственность;—она даже нисколько не уязвляетъ ее. Человѣческая личность отвѣтственна, а въ особенности личность христіанская, которой „по Слову Божію, не посылается искушенія сверхъ силъ“. (1 Кор. 10¹³)“. Однако, ни эта рѣшительность стоять на добромъ пути, ни еще болѣе похвальная скромность, изъясляемая Авторомъ въ началѣ сочиненія, и признаніе имъ своей работы „не могущею удовлетворить критическаго ума“ не избавляютъ его отъ обвиненій, которыя неминуемо предъявить къ нему его читатель.

Прежде всего, кажется страннымъ, какъ это въ сочиненіи, посвященномъ, въ сущности, вопросу о *свободѣ*, даже не упоминается духовная жизнь. Если познанная Истина дѣ-

лаетъ познавшихъ *свободными*, то, значитъ, непознаніе Истины оставляетъ человѣка въ рабствѣ. Очевидно, нельзя вопросъ объ „отвѣтственности“ секуляризировать и говорить въ этомъ отношеніи одно и то же, какъ о преп. Серафимѣ, такъ и о томъ, „на хребтѣ“ коего „работали все начальницы страстей“. Свобода не есть *вещь*, всегда себѣ равная, не есть данность, а есть нѣкоторая заданность, которую требуется еще осуществить. А если это такъ, то отсюда слѣдуетъ уже прямая критика сочиненія о Левковскаго. Желая во что бы-то ни стало защитить свободу *для всехъ* и, слѣдовательно, отрицая рабство тѣхъ, кто Истины не позналъ, онъ всякими правдами и неправдами старается *отбиться* отъ выразительныхъ заключеній моральной статистики. Но онъ только бессильно барахтается, и его заявленія о томъ, что никто не умираетъ отъ цифры смертности, или что цифра никого не заставляетъ убивать, напоминаютъ выкрики капризничающаго ребенка, уносимаго въ темную комнату и все кричащаго съ дороги: „Буду, буду...“ Не правильнѣе ли было бы о Левковскому вдуматься въ смыслъ этихъ чиселъ и понять, что они твердятъ то же, что Евангеліе, Посланія и святые отцы, а именно, что нѣтъ свободы внѣ духовной жизни и что, слѣдовательно, общество, живущее грѣхомъ, *дѣйствительно* живетъ въ рабствѣ закону грѣха и послѣдствіямъ грѣха. Если же ему непременно надо было полемизировать съ моральной статистикой, то для этого существуютъ пути иные. Таковъ, прежде всего, путь критики методовъ собиранія статистическихъ данныхъ: извѣстно напр., что иногда слишкомъ красивыя закономерности получались отъ небрежности доставлявшихъ статистическія свѣдѣнія, повторявшихъ, съ небольшими варіаціями, изъ году въ годъ старыя данныя; это выяснено для Германіи, гдѣ поддѣльныя данныя доставляли школьные учителя. А у насъ, гдѣ свѣдѣнія доставляются чаще всего священниками, я лично видывалъ, какъ графы заполняются числами вымышленными тутъ же, на основаніи какихъ-нибудь старинныхъ показаній. Я не хочу сказать, что такія поддѣлки *уничтожаютъ* заключенія моральной статистики, а не только искажаютъ ихъ, но лишь указываю о Левковскому одинъ изъ важныхъ путей критики. Затѣмъ, предъ нимъ былъ еще путь, защищавшійся, между прочимъ, проф. П. А. Некрасовымъ и др.—это именно заключеніе такого рода: чѣмъ строже общественныя явле-

нія удовлетворяють закону большихъ чиселъ, тѣмъ болѣе они должны подчиняться формальному условію, при которомъ осуществляется этотъ законъ теоріи вѣроятностей; а условіе это—независимость явленій другъ отъ друга, т. е. неподчиненность ихъ какому бы-то ни было связующему ихъ закону. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе правильны результаты морально-статистическаго подсчета, тѣмъ далѣе явленія, статистикою изучаемыя, отъ какой бы-то ни было связи между собою, т. е. совершаются по причинамъ каждый разъ особымъ,— т. е., другими словами, *нѣтъ* никакой соціальной принудительности. Напротивъ, всякая соціальная принудительность вызвала бы рѣзкое нарушеніе закона большихъ чиселъ. Эпидемія самоубійствъ и т. д. есть нарушеніе законовъ моральной статистики. Итакъ, 'если люди кончаютъ жизнь самоубійствомъ, и число такихъ смертей—по закону большихъ чиселъ, это значить, что никакая „соціальная закономерность“ не побудила ихъ къ тому, но что они совершили актъ *внутренней* свободы (а по христіански—внутренней несвободы).

Напрасно о. Александръ не познакомился съ критикою кетлэнизма въ *этомъ* направленіи, тѣмъ болѣе, что извращенность его понятій о теоріи вѣроятностей не изволила ему сдѣлать аналогичныхъ построеній самостоятельно. А до какой степени о. А—ръ ничего не понялъ въ теоріи вѣроятности, показываетъ хотя бы его утверженіе, что если изъ урны съ равнымъ числомъ черныхъ и бѣлыхъ шаровъ достаточно долго вынимать шары по одному, то настанетъ такое время, когда бѣлые и черные станутъ чередоваться, и что яко бы это утверждаетъ теорія вѣроятностей. Неудивительно, что, при такомъ пониманіи теоріи вѣроятностей, онъ ничуть не понялъ закона большихъ чиселъ, такъ что критическія его замѣчанія напоминаютъ струю воды, брызжущую не изъ наконечника пожарной трубы, а изъ случайно прорвавшагося отверстія сбоку. Понятно, слѣдовательно, что и построеніе его вовсе не удовлетворить читателя. Вѣдь смыслъ этого построенія сводится къ тому, что данныя моральной статистики можно разложить на *рядъ* соціальныхъ факторовъ, изъ коихъ большинство зависитъ отъ измѣнчивыхъ условій общественной жизни и, слѣдовательно, измѣнится съ исторіей. Отсюда о. Александръ заключаетъ, что статистическія закономерности лишь *кажутся* постоянными,—вслѣдствіе сравнительно медленнаго

хода исторіи. А далѣе, совершенно неожиданно, выводится слѣдствіе, что социальная закономерность вполне совмѣстима съ личною отвѣтственностью. Но естественно недоумѣвать тутъ, ибо у о. Александра понятіе *личности вообще* смѣшивается съ понятіемъ *данной личности*, и забывается, что свобода личности вообще отъ тѣхъ или другихъ условій общественной жизни ничего еще не говоритъ о свободѣ личности, живущей въ извѣстное время и въ опредѣленной странѣ. Эти разсужденія о. Ал—ра, несостоятельныя и сами по себѣ, тѣмъ менѣе убѣдительны, что, варварски расправившись на первыхъ *пяти* страницахъ съ вопросомъ о свободѣ воли и не подозрѣвая, повидимому, возможности обсуждать ноуменальную свободу, онъ лишь *психологически* рѣшаетъ эту, совсѣмъ не психологическую, задачу и воображаетъ, что доказалъ свободу—тѣмъ, что исключилъ одну *внѣшнюю необходимость* (стр. 6). Авторъ не чувствуетъ, что его отождествленіе свободы воли съ волевыхъ усилиемъ (стр. 6) весьма недалеко отъ *отрицанія* свободы.

Разсужденія Автора грѣшатъ и въ цѣломъ рядѣ промежуточныхъ звеньевъ. Такъ, на стр. 29, онъ утверждаетъ, яко бы „однородныя явленія суть всегда слѣдствія однородныхъ причинъ“ и что будто это, кстати сказать, совершенно ложное положеніе,—„основной принципъ всякой науки“ На стр. 39-40, дается грубо-физиологическое истолкованіе „силы брачнаго стремленія“, съ полнымъ неупоминаніемъ мотивовъ религіозныхъ, нравственныхъ и пр. въ составѣ этого „стремленія“.

На стр. 68, законъ инерціи почему-то приписывается Кеплеру.

На стр. 76, выставляется диллема: или свобода невозможна въ мірѣ, или она есть въ человѣкѣ и, слѣдовательно, возможна въ мірѣ; и далѣе, вопреки сказанному, на стр. 6, объявляется: „Конечно, если держаться логики, то естественнѣе стать на сторону первой половины дилеммы, именно—что въ человѣческой дѣятельности нѣтъ свободы. Такъ обыкновенно и поступаютъ строго логическіе умы въ своемъ рѣшеніи поставленной дилеммы“.

Наконецъ, надо отмѣтить что о. А—ръ почему-то нигдѣ не считаетъ нужнымъ датировать книги, на которыя дѣлаетъ ссылки. Но, несмотря на всѣ эти промахи, повторяю, что своею искренностью и скромностью работа о. А—ра полку-

паеть въ свою пользу читателя. Степени кандидата богословія заслуживаетъ“.

23) О сочиненіи студента *Лилеева Константина* на тему: „Историко-философская теорія проф. Карѣева. Роль личности въ исторіи“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева*:

„Я не знаю никого изъ нашихъ социологовъ, кромѣ проф. Карѣева, кто бы столь настойчиво могъ быть рекомендуемъ въ качествѣ руководителя для всѣхъ приступающихъ къ изученію социологическихъ наукъ. Несомнѣнныя достоинства его трудовъ, дѣлающія изъ него надежнаго учителя, это—глубокая эрудиція, всесторонность обслѣдованія социальныхъ проблемъ и осторожность въ выводахъ. Рѣшеніе каждой проблемы у проф. Карѣева предваряется обширными изысканіями по исторіи ея, многочисленными историко-литературными справками. Читатель вводится критически въ современное положеніе вопроса, такъ что для него логически предрѣшаются выводы. Въ рѣшеніи вопросовъ проф. Карѣеву болѣе всего чужда какая-либо односторонность: вѣроятно подъ давленіемъ своей эрудиціи онъ никогда не забываетъ и „другой стороны дѣла“. Для богослова проф. Карѣевъ особенно интересенъ потому, что онъ принадлежитъ къ русской субъективной школѣ социологій (Лавровъ, Михайловскій, Южакъ). Въ центрѣ его научныхъ интересовъ стоитъ человѣческая личность: онъ неустанно отстаиваетъ ея свободу, инициативу въ исторіи. Творчество личности, а не саморазвитіе социальной формы: вотъ его формула.

Г. Лилеевъ ставитъ своей задачей *изложить* историко-философскія воззрѣнія проф. Карѣева, причемъ особое вниманіе удѣляется уясненію роли личности въ исторіи. Автору пришлось затронуть многія изъ проблемъ методологій исторіи и теорій общества. Взаимное отношеніе психологій, социологій и философій исторіи,—задачи исторіософій,—идея прогресса,—прогрессъ и эволюція,—теорія общества,—духовная культура и социальная организація,—исторія прагматическая и исторія культурная, — причинность и эволюція,—личность и общество,—герои и толпа, — традиція и личная инициатива... вотъ предметы, обсужденіе которыхъ въ исто-

рико-философскомъ міровозрѣніи Карѣва прослѣживають авторь. Я не буду излагать содержанія сочиненія, потому что излагать изложеніе—задача крайне неблагодарная, — я укажу лишь на характеръ работы. Трудъ г. Лилеева заслуживаетъ рѣшительнаго одобренія. Онъ, съ теплою внимательностью къ темамъ, тщательно изучилъ многочисленныя сочиненія проф. Карѣва, вдумался въ его мысли, сжился съ духомъ его міровозрѣнія, усвоилъ его языкъ. Взгляды проф. Карѣва изложены съ похвальною выпуклостью и отчетливостью. Авторь не увлекся легкою возможностью отдѣлываться буквальными выписками, раздвигая ихъ обширностью размѣры своей тетради. Не отказываясь отъ буквального повторенія характерныхъ формулировокъ излагаемаго мыслителя, авторь свое вниманіе сосредоточиваетъ на передачѣ основныхъ мыслей—сжатой и опредѣленной, устанавливая связь между ними, какъ она усматривается при объективномъ изученіи. Мысли проф. Карѣва изложены вѣрно, ясно, связно и послѣдовательно. Внимательный ко всякому отгѣнку въ ходѣ сужденій излагаемой системы, авторь сумѣлъ выдѣлить основное, удѣливъ ему преимущественное мѣсто и сдвинувъ все остальное на задній планъ съ меньшимъ освѣщеніемъ.

Недостатокъ работы г. Лилеева въ отсутствіи критическаго отношенія къ излагаемой системѣ, для чего потребовалось бы ближайшее знакомство съ соціологической и историко-философской литературой. Въ системѣ проф. Карѣва наиболѣе прочнымъ пунктомъ нужно признать тезисъ о сведеніи исторической законмѣрности къ психологическимъ и соціологическимъ законамъ,—по всѣмъ прочимъ пунктамъ остается просторъ для возраженій. Субъективный методъ соціологии у проф. Карѣва остается столь же не оправданнымъ, какъ и у Михайловскаго. Не ясно различіе между исторіей, какъ наукой, и философіей исторіи,—не выясненъ принципъ выбора историческаго матеріала, не выявлена грань между субъективной оцѣнкой и объективнымъ отнесеніемъ къ цѣнности (*Wertbeziehungen, Beziehung auf Werte* въ отличіе отъ *Werturteilen* по терминологіи Риккерта). Проф. Карѣвъ то исторію сводитъ къ философіи исторіи, то философію исторіи сводитъ къ простой исторіи. Философія исторіи, по его возрѣнію, есть изложеніе всемірной исторіи съ точки зрѣнія прогресса, а идея

прогресса опредѣляется субъективно. На лицо та философія исторіи, возможность которой, какъ науки, отвергаетъ Дильтей. Тутъ явный уклонъ къ Августину, Боссюэту, Лорану, Каро, Гратри, Лаволле. А между тѣмъ о своей „Философій культурной и соціальной исторіи новаго времени“ проф. Карѣвъ въ предисловіи пишетъ, что она есть résumé его „Исторіи западной Европы въ новое время“. „Исторія—пишетъ онъ—подобна большой картинѣ со множествомъ фигуръ въ очень сложной комбинаціи. Объ этой картинѣ вы можете дать понятіе, снявъ съ нея, по возможности, точную, хотя и уменьшенную копію, съ тѣми же красками, какъ и въ оригиналѣ; можете дать понятіе также и въ гравюрѣ безъ красокъ, но съ отдѣлкой деталей, и въ рисунокѣ съ менѣе тщательной обработкой подробностей, и въ бѣгломъ эскизѣ можете, наконецъ, дать понятіе, рассказавъ о содержаніи картины безъ пояснительнаго даже чертежа, который воспроизводитъ бы дѣйствительное размѣщеніе фигуръ: настоящая книжка и есть такой рассказъ, ибо въ ней передается только общій смыслъ картины, а сама она совсѣмъ и не срисовывается“. Вотъ вамъ и философія исторіи. Далѣе—въ связи съ сказаннымъ—что такое исторіософія: есть ли она введеніе собственно въ философію исторіи, или проще—методологія историческаго знанія въ духѣ трудовъ Лаппо-Данилевскаго, Вишпера, Хвостова? Если первое, то какъ же ее можно освободить отъ философіи исторіи? Проф. Хвостовъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: „Разработка проблемы прогресса никоимъ образомъ не должна быть отдѣляема отъ изслѣдованія гносеологическихъ и методологическихъ вопросовъ, которое проф. Карѣвъ предлагаетъ сдѣлать предметомъ соціальной науки—исторіософіи. При такомъ раздѣленіи, философіи исторіи въ смыслѣ Карѣва грозитъ опасность превратиться въ догматическую дисциплину, гдѣ спекуляціи на тему о прогрессѣ въ исторіи будутъ производиться безъ достаточнаго критическаго фундамента“. Еще примѣръ. Проф. Карѣвъ, какъ и Ж. Палантъ (*Очеркъ соціологіи*) различаетъ законы каузальные и законы эволюціонные. Съ этимъ можно спорить. (Ср. *Новыя идеи въ экономикѣ* № 5 стр. 10—11). Я ограничусь этимъ и не буду пересматривать другихъ пунктовъ историко-философской теоріи проф. Карѣва, которая со всѣхъ сторонъ открыта возраженіямъ.

Однако г. Лилеевъ не совѣмъ уклонился отъ критики. На послѣднихъ страницахъ онъ дѣлаетъ оцѣнку изложенной теоріи. Наряду съ положительными чертами онъ указываетъ и отрицательныя. Въ системѣ проф. Карѣва нѣтъ мѣста личности, какъ абсолютной цѣнности. „По своему божественному началу личность возносится на религиозную высоту, получаетъ абсолютную цѣнность и является несоизмѣримою ни съ чѣмъ общественно-утилитарнымъ. Признанія за личность этой именно абсолютной цѣнности мы и не видимъ у проф. Карѣва. При всемъ его уваженіи къ достоинству человѣческой личности, послѣдняя разсматривается лишь съ общественно-утилитарной точки зрѣнія, поскольку она служитъ прогрессу человѣчества. Но... общественно-утилитарное не заключаетъ въ себѣ ничего абсолютнаго, абсолютная цѣнность только въ человѣческой личности. Поскольку личность имѣетъ общественно-утилитарную цѣнность, постольку историко-философская теорія проф. Карѣва имѣетъ важное значеніе для этики, именно социальной; поскольку же личность представляетъ собою абсолютную цѣнность, постольку теорія проф. Карѣва является совершенно непригодной для обоснованія нравственнаго поведения“... Авторъ здѣсь подмѣчаетъ наиболѣе уязвимую сторону въ системѣ проф. Карѣва, для богословія наиболѣе заслуживающую вниманія. Ему нужно было бы развить эту мысль, освѣтивъ ея и субъективный методъ социологіи.

Степени кандидата богословія авторъ вполне заслуживаетъ“.

б) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Нужно полагать, что Авторъ настоящаго сочиненія „прочее время, живота своего“ намѣренъ „skonчати“ въ пустынныхъ подвигахъ. По крайней мѣрѣ, послушаніе, проявленное имъ нынѣ,—если только оно взято сознательно—, вѣроятно вмѣнится ему въ начало подвига. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь цѣлый годъ онъ старательно ходилъ за воткнутымъ въ землю сукомъ „историко-философской теоріи“ проф. Карѣва и поливалъ его, ожидая прозябанія. Г. Лилеевъ не щадилъ трудовъ, удобряя почву около этого сука сочиненіями С. Н. Южакова, В. М. Хвостова, П. О. Лаврова, Н. Николаева, П. Барта, X. Раппопорта, Исаева, Л. Норда, Н. К. Ми-

хайловскаго, А. А. Бѣльтова, Рубакина, С. Казанскаго, Л. Слонимскаго, Н. Любовича, какого-то П. Б. (изъ „Русск. Бог.“), Н. Юрданскаго, П. Батина, М. Н. Цебриковой, Оболенскаго, Каткова (изъ „Рус. Бог.“), П. Н. Милюкова, К. Вейдемюллера, Н. Рожкова, Б. Сыромятникова, Р. Ю. Виппера и др. поименованныхъ въ концѣ диссертациі. Ожидалось чудо— обоснованіе христіанской нравственности... на проф. Карѣвѣ; но т. к. ненужныхъ чудесъ не бываетъ, то не совершилось и этого чуда, и, вопреки всѣмъ стараніямъ, оказалось, что „вполнѣ пригодная для обоснованія утилитарной этики, историко-философская теорія проф. Карѣева не можетъ дать цѣннаго матеріала для обоснованія христіанской нравственности“ (стр. 153). Едва ли стоило продѣлывать работу столь обширную для результата столь скуднаго; но работа продѣлана старательно и изложена толково. Нельзя не удивляться при этомъ терпѣнію и кротости Автора, съ которыми онъ, на протяженіи 150-ти страницъ большого формата, напечатанныхъ на машинѣ, путешествуетъ по сивапу Карѣевской философіи исторіи и даже воздерживается отъ собственныхъ мнѣній, позволяя себѣ лишь на послѣднихъ четырехъ страницахъ критику, состоящую почти изъ однихъ одобреній. Нужно полагать, что, раздраженный всѣмъ предыдущимъ блужданіемъ, Авторъ захотѣлъ сорвать свое раздраженіе на виновникѣ ихъ и потому издѣвается надъ заслуженнымъ профессоромъ. По крайней мѣрѣ весьма язвительно звучатъ заключительные выводы г. Лилеева, когда онъ пересчитываетъ, какія именно изъ заслугъ проф. Карѣева вызвали къ нему вниманіе самого Автора. Это именно, *ipsissimis verbis* (курсивъ вездѣ мой):

1) „Строгая *научность* историко-философскихъ воззрѣній проф. Карѣева--- Какъ позитивистъ и эволюціонистъ, проф. Карѣевъ *вѣрнѣе* лишь въ положительную науку, и потому всегда держится ясныхъ и точныхъ данныхъ *естественно-научнаго* знанія“. (Неужели нашъ Авторъ думаетъ, что научность, да еще строгая, заключается въ науковѣрїи? Да и какое отношеніе имѣетъ вѣра въ „естественно-научное знаніе“ къ философіи исторіи? 2) „Умѣніе подъ однимъ угломъ собрать и освѣтить *всю* (!) выводы естественныхъ и историко-философскихъ наукъ---“ (Да, для этого дѣйствительно требуется „умѣніе“!). 3) „Общій тонъ, такъ сказать — господствующее настроеніе автора. Его свѣтлый гуманный взглядъ на *естественныя* си-

лы культурнаго челоуѣка и на будущее нашей исторіи, красной нитью проходящій черезъ всё его разсужденія, вызываетъ *пріятное* чувство, которое рѣдко приходится испытывать при современномъ подавляющемъ господствѣ пессимизма. Проникнутый самъ благороднымъ оптимизмомъ, проф. Карѣевъ эту жизнерадостность вливаетъ въ души своихъ читателей. И съ этой стороны заслуга проф. Карѣева предъ русскимъ обществомъ по истинѣ огромна. Встрѣтить челоуѣка *върующаго* (—о, какая иронія!—*И. Ф.*) *въ прогрессъ*, въ настоящее время—само по себѣ уже *утѣшительно* (!!), тѣмъ болѣе, когда эта вѣра проповѣдуется челоуѣкомъ науки (опять на смѣшка! ср. пунктъ 1-й. *И. Ф.*), располагающимъ всеми данными для критическаго анализа дѣйствительности“. 4) „Наконецъ, наиболѣе цѣннымъ для насъ въ историко-философскихъ воззрѣніяхъ проф. Карѣева является то, что въ нихъ нашло себѣ основательную критику ученіе, представляющее исторію какъ безличный, стихійный и роковой процессъ---“

Такъ-то вымещаетъ проф. Карѣеву нашъ авторъ за труды рабочаго года! Принимая во вниманіе стараніе, съ которымъ выполнена работа г. Лилеева, считаю его достойнымъ степени кандидата богословія“.

24) О сочиненіи студента *Лобанова Василия* на тему: „Симеонъ Полоцкій, какъ проповѣдникъ“.

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Задача, которая была поставлена г. Лобанову, состояла въ анализѣ проповѣдей Симеона Полоцкаго со стороны источниковъ. Авторъ предпочелъ совершенно уклониться отъ этой задачи. Не счелъ онъ нужнымъ и вообще утруждать себя обстоятельнымъ и детальнымъ изученіемъ произведеній, ограничившись поверхностнымъ ознакомленіемъ; по крайней мѣрѣ сочиненіе не даетъ ни малѣйшихъ поводовъ заподозрѣвать автора въ излишнемъ вниманіи къ первоисточникамъ. Главное свое вниманіе авторъ отдаетъ ученой литературѣ своего предмета. Эту литературу г. Лобановъ изучилъ съ удовлетворительной для студенческой работы полнотой и съ достаточнымъ трудолюбіемъ. Почти всё цитаты здѣсь онъ счелъ долгомъ провѣрить по самымъ памятникамъ по изданіямъ, имѣющимся въ академической библіотекѣ. Въ

результатъ получился довольно толковый компилятивный трудъ, свидѣтельствующій, что авторъ использовалъ годъ съ значительной пользою для себя хотя и не для науки. Изъ другихъ недостатковъ сочиненія автору слѣдуетъ особенно поставить на видъ, что провѣрка чужихъ цитатъ не даетъ еще ему права выдавать ихъ за свои (стр. 15, 16, 19, 20, 23 и друг.), а отсутствіе тѣхъ или иныхъ изданій въ академической библіотекѣ не уполномочиваетъ на списываніе цитатъ безъ пониманія ихъ значенія (наприм. стр. 37 прим. 1). Въ планѣ сочиненія наблюдается несоразмѣрность: авторъ удѣляетъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, мѣста второстепеннымъ сторонамъ предмета (напр. отдѣлъ о суевѣріяхъ стр. 64 и слѣд.) и очень мало и совершенно безцвѣтно изображаетъ болѣе важныя (наприм. догматическій и нравственный элементы въ проповѣдяхъ Симеона, стр. 77 и слѣд.).

Степени кандидата богословія авторъ можетъ быть удостоенъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Послѣ общихъ біографическихъ свѣдѣній о Симеонѣ Полоцкомъ, студентъ Лобановъ говоритъ о состояніи проповѣди въ сѣверной Руси до прибытія въ Москву Симеона Полоцкаго и о внутренней и внѣшней сторонахъ проповѣдей послѣдняго. Въ заключеніи г. Лобановъ опредѣляетъ значеніе проповѣдническихъ трудовъ Симеона Полоцкаго.

При написаніи своего сочиненія авторъ пользовался значительнымъ количествомъ источниковъ и пособій. Материаль, собранный въ послѣднихъ, давалъ автору почти всѣ нужныя справки, что значительно облегчало его работу. Впрочемъ, рецензентъ долженъ отмѣтить, что, пользуясь пособиями, г. Лобановъ старался находить подкрѣпленіе своимъ сужденіямъ и не въ однихъ только этихъ пособияхъ. Онъ обращался, прежде всего, къ самымъ сочиненіямъ Симеона Полоцкаго. Далѣе, онъ изучалъ историческій матеріаль, разбросанный, иногда въ незначительныхъ дозахъ, по актамъ историческимъ, археологической экспедиціи и по др. первоисточникамъ. И это должно быть поставлено въ заслугу г. Лобанову.

Достаточно полное по содержанию, сочинение г. Лобанова обращает на себя внимание въ одномъ отношеніи. Давъ краткую біографію Симеона Полоцкаго, авторъ съ 34-й страницы желаетъ подойти и къ самой характеристикѣ проповѣднической дѣятельности Симеона Полоцкаго. Но это ему не сразу удалось. Онъ приблизительно на сорока страницахъ изъ 183-хъ (общее количество) вращается или въ сферѣ самыхъ общихъ сужденій или же старается заинтересовать тѣмъ, что выходитъ за предѣлы его задачи. Такъ, напримѣръ, говоря о ворожбѣ, гаданіяхъ, какъ порокахъ, современныхъ Симеону Полоцкому, авторъ начинаетъ говорить о способахъ гаданія; о приемахъ, какія употребляли колдуны при своемъ колдовствѣ, что въ своихъ подробностяхъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ исторіи волшебства и гаданія на Руси, а не къ характеристикѣ проповѣдей Симеона Полоцкаго. Однако, на оставшихся у г. Лобанова для частной характеристики проповѣдей Симеона Полоцкаго приблизительно 110-ти страницахъ ему удалось отмѣтить особенности проповѣдей Симеона по ихъ построенію и настроенію и выяснить ихъ значеніе въ исторіи русской проповѣди.

Степени кандидата богословія сочиненіе студента Лобанова заслуживаетъ“.

25) О сочиненіи студента *Лобова Гавріила* на тему: „*Ееофанъ, епископъ Тамбовскій, какъ проповѣдникъ*“.

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Сочиненіе г. Лобова представляетъ изъ себя живое и по мѣстамъ изящное изложеніе тѣхъ впечатлѣній, какія авторъ вынесъ изъ своего ознакомленія съ твореніями пресвящ. *Ееофана Затворника* и съ литературой о немъ. Представленіе, которое даетъ авторъ о *Вышенскомъ затворникѣ-архипастырѣ*, въ общемъ правильно и свидѣтельствуеетъ, что авторъ въ удовлетворительной мѣрѣ потрудился надъ изученіемъ своего матеріала. Далекое нельзя сказать того же о выполненіи имъ своего сочиненія. Г. Лобовъ очень мало заботится о научной полнотѣ и обоснованности своихъ утвержденій. Планъ его, правда можно признать вполне удовлетворительнымъ, охватывающимъ достаточно полно предметъ изслѣдованія: 1) біографическія свѣдѣнія о пресвящ. *Еео-*

фанъ; 2) взглядъ преосвящ. Теофана на проповѣдь; проповѣди Теофана со стороны построенія; 3) нравственно-аскетическій моментъ въ проповѣдяхъ, 4) догматическій элементъ въ проповѣдяхъ; 5) экзегетическій элементъ въ проповѣдяхъ; 6) современность проповѣдей Теофана; 7) проповѣди Теофана со стороны формы; 8) мѣсто преосвящ. Теофана въ исторіи русской проповѣди. Къ сожалѣнію каждая отдѣльная глава здѣсь представляетъ собою скорѣе рядъ случайныхъ замѣчаній, наблюденій и попавшихъ подъ руку выдержекъ, чѣмъ серьезную трактацію предмета; это—изложеніе именно *впечатлѣній* отъ изученнаго, но не научно-обоснованныхъ результатовъ научныхъ изысканій. Не мало вредить автору при этомъ недостатокъ теоретико-гомилетической подготовки: авторъ обнаруживаетъ довольно смутныя представленія въ сферѣ основныхъ гомилетическихъ понятій и терминовъ (напр. стр. 261); робкія попытки опереться на гомилетическія воззрѣнія проф. М. М. Тарѣева автору не всегда удаются (напр. стр. 184—185).

При всемъ томъ трудъ г. Лобова остается интереснымъ очеркомъ жизнедѣятельности незабвеннаго Вышенскаго затворника, сдѣланнымъ съ достаточнымъ знаніемъ дѣла и дающимъ автору право на степень кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Епископъ Теофанъ оставилъ о себѣ память и какъ архипастырь аскетъ и какъ проповѣдникъ. Студентъ Лобовъ и взялъ на себя трудъ дать характеристику личности епископа Теофана, какъ проповѣдника.

Авторъ въ цѣломъ правильно понялъ свою задачу, предпославъ частной характеристикѣ епископа Теофана, какъ проповѣдника, его біографію. Біографическія свѣдѣнія въ значительной степени уясняютъ особенности проповѣдей еп. Теофана.

Въ частности, авторъ вѣрно отмѣчаетъ нравственно-аскетическій, догматическій и экзегетическій элементъ въ проповѣдяхъ Теофана.

Но заключительный выводъ г. Лобова (гл. 7-ая) о мѣстѣ преосвященнаго Теофана въ исторіи русской проповѣди наводитъ на нѣкоторыя размышленія. Нампъ авторъ старается провести рѣзкое разграниченіе между проповѣдями митро-

полита Филарета—съ одной стороны, и епископа Теофана—съ другой. И вотъ сужденія автора по этому вопросу. „Въ періодъ богословскаго воспитанія преосв. Теофана въ проповѣдничествѣ русскомъ можно различить довольно опредѣленно два направленія: московское и кievское. Выразителемъ перваго *считается обыкновенно (?) митрополитъ Филаретъ*, а втораго—*Иннокентій*“. „Первое направленіе характеризуется, какъ *догматико-теоретическое*, вообще болѣе отвлеченное. Второе направленіе—болѣе *практическое, жизненное*, гдѣ большее мѣсто предоставляется чувству, *претендующемъ (?) на эффектъ*“. Мы не взяли бы на себя смѣлости на основаніи Филарета и Иннокентія признавать съ рѣшительностью наличность двухъ направленій проповѣдничества—кievскаго и московскаго, и характеризовать первое какъ *жизненное, практическое*, а второе, какъ *отвлеченное, догматическое*. И далѣе, можно ли назвать „*практически-мѣ*“, „*жизненнымъ*“ то, что претендуетъ „*на эффектъ*“?.

Такимъ образомъ самый заключительный выводъ автора отличается неясностью и спутанностью сужденій.

Вообще, автору не удалось отнести проповѣди епископа Теофана къ какому-либо опредѣленному типу проповѣдей. Вѣрно у него лишь одно, что проповѣдническое слово святителя Теофана вращается въ области внутренней сокровенной жизни... Для обоснованія этой мысли у автора даны достаточныя предпосылки.

Но если авторъ погрѣшаетъ въ выводахъ, то онъ все же располагалъ достаточнымъ фактическимъ матеріаломъ. Онъ хорошо ознакомился съ проповѣдническими трудами епископа Теофана и привлекъ значительную литературу, такъ или иначе относящуюся къ предмету его работы.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе студента Лобова можно признать достаточнымъ“.

26) О сочиненіи студента *іеромонаха Іоанна (Маргіева)* на тему: „Отношеніе Византійскихъ императоровъ къ вселенскимъ соборамъ“.

а) Бывшаго н. д. доцента *Н. Д. Кузнецова*:

„Сочиненіе іеромонаха Іоанна (Маргіева) „Отношеніе Византійскихъ императоровъ къ вселенскимъ соборамъ“ пред-

ставляетъ изъ себя цѣлое изслѣдованіе. Оно состоитъ изъ Введенія, 8 отдѣловъ и краткаго резюме и занимаетъ 133 страницы, печатанныя на пишущей машинѣ.

Вопросъ объ отношеніи императоровъ къ вселенскимъ соборамъ вообще недостаточно разработанъ. Для уясненія его автору пришлось изучить обширную литературу, которая въ томъ или другомъ отношеніи касается этого вопроса. Въ этой литературѣ авторъ собиралъ разныя свѣдѣнія, которыя изложены имъ въ системѣ и хорошо освѣщаютъ вопросъ. Самое изслѣдованіе сдѣлано широко. Въ сочиненіи о. Іоанна отмѣчены не только свѣтлыя, но и темныя стороны участія византійскихъ императоровъ въ дѣлахъ церковныхъ. Однако ни тѣ ни другія явленія въ этой области не подавляютъ мысль автора. Приводя разные историческіе факты, авторъ не забываетъ выяснять идейную сторону вопроса и старается уяснить понятія и взгляды того времени. Разсмотрѣніе отношенія византійскихъ императоровъ къ вселенскимъ соборамъ даетъ немало матеріала и по важнѣйшему современному вопросу объ отношеніи Церкви и государства, на что авторомъ также обращено должное вниманіе.

Вообще же сочиненіе іеромонаха Іоанна, по моему мнѣнію, представляетъ изъ себя достойный вниманія трудъ и съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями могло бы быть допущено даже на соисканіе степени магистра. При такихъ условіяхъ естественно, что для полученія степени кандидата оно болѣе, чѣмъ достаточно“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Интересный и довольно сложный вопросъ объ отношеніи Византійскихъ императоровъ къ Вселенскимъ соборамъ уже не однажды затрогивался въ трудахъ по каноникѣ и исторіи. Этимъ опредѣлялась необходимость для нашего автора ознакомиться съ большою литературою взятаго имъ для изученія вопроса. И авторъ съ рѣдкимъ трудолюбіемъ сдѣлалъ это, обнаруживъ способность оріентироваться въ обширномъ историческомъ матеріалѣ, соприкасающемся съ темою, взятою имъ для разработки. Онъ далъ богатыя справки изъ трудовъ извѣстныхъ канонистовъ. Но эти справки не были только выраженіемъ довѣрія автора къ чужимъ, хотя бы и очень авторитетнымъ, предположеніямъ и выводамъ.

Онъ всюду старается свѣрить эти сужденія и предположенія съ данными его первоисточниковъ, каковы, наиримѣрь, „Дѣянія вселенскихъ соборовъ“, труды Евсевія, Евагрія, Сократа, Созомена. Знакомство съ этими первоисточниками дало автору возможность отрѣшиться отъ слишкомъ субъективнаго взгляда нѣкоторыхъ канонистовъ и историковъ, видящихъ во вліяніи императоровъ на ходъ церковной жизни источникъ если не всѣхъ, то многихъ золь.

Указывая формы взаимоотношенія Церкви и византійскихъ императоровъ, авторъ старательно выясняетъ, чѣмъ была обязана церковь Византійскимъ Императорамъ при созывѣ Вселенскихъ соборовъ.

Признавая, въ виду сказаннаго, трудъ о. Іоанна серьезною работою, мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что нѣкоторыя справки изъ первоисточниковъ авторъ даетъ по переводамъ безъ надлежащей повѣрки ихъ. Нѣкоторыя приводимыя авторомъ выдержки изъ пособій могли бы быть нѣсколько сокращены, отъ чего содержаніе сочиненія не измѣнило бы характера, а собственныя сужденія автора выступили бы опредѣленнѣе.

Въ цѣломъ же мы должны признать трудъ о. Іоанна обстоятельной кандидатской работою, которая въ печатномъ видѣ, по исправленіи ея, могла бы быть представлена на соисканіе слѣдующей ученой степени какъ полезное восполненіе нашей церковно-исторической литературы. Мы находимъ, поэтому, возможность оцѣнить трудъ автора полнымъ балломъ“.

27) О сочиненіи студента *Нечаева Тихона* на тему: „Древне-русскія житія юродивыхъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Сочиненіе Т. Нечаева (послѣ краткаго предисловія) распадается на III части: первая, наиболѣе обширная, представляетъ собою историко-критическій разборъ древне-русскихъ житій 14-ти юродивыхъ; вторая, небольшая, является оцѣнкой житій, какъ литературнаго памятника и историческаго источника; въ третьей части помѣщены три приложенія — сказанія о юродивыхъ изъ Поморскаго Сборника, принадлежавшаго Ключевскому.

Главная часть сочиненія представляетъ собою довольно тщательную работу съ обращеніемъ къ рукописямъ. До-

статочная начитанность въ агіографической письменности не только древне-русской, но и восточной помогла автору отыскать источники житій, прежде признававшихся самостоятельными, оригинальными, и тѣмъ указать болѣе скромное ихъ историческое и литературное значеніе. Оказывается, что подвиги нѣкоторыхъ юродивыхъ нашей древности описывались дословно, напримѣръ, по житію Андрея юродиваго Цареградскаго, и возникаетъ вопросъ, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ простою компиляціею жизнеописателя, или подвижникъ русскій на самомъ дѣлѣ повторялъ подвиги своего Цареградскаго образца... Бываютъ заимствованія изъ житія одного русскаго юродиваго въ житіе другого, и опять является аналогичный вопросъ. Въ этомъ отдѣлѣ встрѣчаются пропуски и ошибки, правда малочисленные. Изложивъ мнѣніе протоіерея Кузнецова о народной редакціи житія Василия Блаженнаго, г. Нечаевъ пишетъ: „не будемъ говорить, насколько правиленъ взглядъ (о. Кузнецова) на эти легенды“ (183). Но вѣдь прямая обязанность нашего автора именно въ томъ и состояла, чтобы высказать свое основательное сужденіе по этому и подобнымъ вопросамъ. Трактую о житіи Михаила Клопскаго въ редакціи Василия Тучкова, авторъ заявляетъ о ссылкѣ Тучкова на Степенную книгу (44), т. е. повторяетъ ошибку, теперь уже исправленную г-мъ Васенко.

Но эти недочеты не лишаютъ сочиненіе его цѣнности и основательности“.

б) И. д. доцента *священника* *Г. М. Смирнова*:

„Древне-русская агіографическая литература, какъ извѣстно, вовсе не соответствуетъ въ сущности тому представленію о ней т. наз. широкой публики, по которому житія святыхъ являются если и не сборниками полныхъ, болѣе или менѣе подробныхъ, біографическихъ свѣдѣній о ихъ жизне-дѣятельности, то во всякомъ случаѣ—произведеніями, заключающими въ себѣ *фактической* матеріаль, взятый изъ личной, индивидуальной, этому только святому свойственной жизни. Житія святыхъ—это такая исключительная (по своимъ особенностямъ) область, куда—какъ само собою предполагается непосредственнымъ вѣрующимъ сознаниемъ—менѣе всего можетъ имѣть доступъ свобода писательскаго измышленія или наличность сознательнаго обмана. На самомъ

же дѣль этого рода письменность не столько выросла на основѣ историческихъ данныхъ, сколько сложилась подъ условіями внѣшними къ біографическому матеріалу. Прежде всего лишнюю, а часто и ложную окраску внесло въ житійную сферу литературное вліяніе соответствующихъ параллелей восточной, въ частности Византійской агіобіографіи. Особенно это нужно сказать про періодъ т. наз. „искусственного стиля“ (съ кон. XV до втор. пол. XVII вв.), когда, подъ вліяніемъ выработаннаго уже довольно опредѣленнаго взгляда на внѣшнюю форму житій, простое, безыскусственное, „не ухищренное различными словесы“ изложеніе біографическихъ свѣдѣній того или другого лица совершенно уже не удовлетворяетъ (привыкшій къ извѣстной искусственности) вкусъ читателя. Теперь, чтобы сухіе факты правдиваго, но „грубаго писанія“ не заставляли стыдиться ихъ автора и не вызывали къ себѣ презрительнаго отношенія потребителя (см. напр. исторію „Житія начальниковъ Соловецкихъ“) непременно требовалось украсить „словесы“ привнесеніемъ опредѣленныхъ чертъ условнаго „добрословія“. Въ другихъ случаяхъ происходила уже опредѣленная подмѣна несомнѣнно-историческихъ біографическихъ данныхъ литературномъ трафаретомъ, что вынуждалось необходимостію, такъ какъ чаще всего житія составлялись въ настолько позднее время по смерти изображаемаго лица, когда сказанія о его иноческихъ трудахъ изгладились (при отсутствіи положительныхъ записей) изъ памяти народной, а подвиги потеряли свою специфическую окраску. Да, наконецъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда еще живы были нужныя воспоминанія, самый ихъ источникъ, — напр. народное преданіе — часто являлся до извѣстной степени подозрительнымъ по своей достовѣрности передаваемыхъ имъ историко-индивидуальныхъ чертъ данной личности. Слѣд. агіобіографическая литература требуетъ во всякомъ случаѣ весьма осторожнаго къ себѣ отношенія. Тщательный критическій анализъ, выдѣляющій отслоенія писательскихъ традицій, слѣды литературныхъ позаимствованій, и устанавливающій научную цѣнность источниковъ, долженъ предварять всякое агіобіографическое произведеніе, которое историкъ имѣетъ въ виду использовать въ качествѣ подходящаго матеріала. Подобнаго рода задачу по отношенію къ древне-русскимъ

житіямъ юродивыхъ, т. е. той именно области, которая въ известной работѣ В. О. Ключевскаго осталась еще не достаточно обслѣдованною, предстояло выполнить г. Нечаеву Тихону въ его курсовой работѣ. И эту задачу авторъ выполнилъ достаточно успѣшно. Въ подвергнутыхъ изслѣдованію 14 житіяхъ, которыя (за исключеніемъ житія Исаакія Печерскаго) относятся къ эпохѣ „условнаго“ стиля агіобіографической письменности, авторомъ указаны: 1, побудительныя причины къ написанію житій; 2, источники ихъ происхожденія:—а., изустное въ простонародной передачѣ преданіе (напр. 2 ред. житія Михаила Клопскаго, 45 стр.); б., легенды (ж. Исидора Ростовскаго, 110 стр., ж. Василія Блаженнаго по новому списку, 171 стр.); в., записи монастырскія (ж. Прокопія Вятскаго, 151с.; ж. Лаврентія Калужскаго, 166 стр.);—г., записи приходскаго духовенства—отца духовнаго (ж. Прокопія Вятскаго, 199 стр.);—священника (жж. Иоанна Устюжскаго, 75 стр.; Иоанна Ростовскаго, 150 стр.); д., записи современниковъ — очевидцевъ (жж. Исидора Ростовскаго, 124 стр.; Иоанна Московскаго, 140 стр.); 3, слѣды искусственнаго „добрословія“ (напр. ж. Иоанна Устюжскаго, 107 стр.) и непосредственнаго литературнаго вліянія (жж. Исаакія Печерскаго, стр. 8—13; 2 ред. Михаила Клопскаго, 20—21 стр.; Иоанна Ростовскаго 153—165 стр.; Исидора Ростовскаго, стр. 111—123. Особенно интересны наблюденія въ послѣдней области, гдѣ авторъ посредствомъ сопоставленія текстовъ устанавливаетъ положительную связь житій, напр., Прокопія Устюжскаго (55 стр.) и особенно Иоанна Устюжскаго (стр. 97—106) съ житіемъ Цареградскаго Андрея. Общія черты, которыми въ послѣдующихъ житіяхъ стали изображать древнерусскихъ юродивыхъ, взяты несомнѣнно изъ Византійской агіобіографіи. Во второй части работы (стр. 186—209) объединены частныя выводы произведеннаго анализа и дана заключительная характеристика житій юродивыхъ, какъ историческаго источника.

Правда, въ нѣкоторыхъ частяхъ своего изслѣдованія автору пришлось имѣть дѣло съ разобраннѣмъ уже матеріаломъ (въ трудахъ Ключевскаго и о. Кузнецова), но все же бѣольшую долю работы онъ продѣлалъ съ сырымъ матеріаломъ, что, конечно, составляетъ одно изъ положительныхъ достоинствъ сочиненія. Даже не всѣ житія юродивыхъ из-

даны: половиною ихъ пришлось пользоваться по рукописямъ библіотекъ—нашей Академической, Лаврской, Синодальной и особенно „Поморскимъ Сборникомъ“ В. О. Ключевского. Хорошую сторону сочиненія составляетъ также сжатость его изложенія, хотя это послѣднее часто страдаетъ шероховатостью языка (напр. неудачныя построенія фразъ—стр. 107, 139, 150 и др.). Самую же переписку слѣдовало поручить болѣе грамотному лицу. Степени кандидата богословія г. Нечаевъ Тихонъ достоинъ“.

28) О сочиненіи студента *Оглоблина Аркадія* на тему: „Исторія Ассиріи и книга пророка Наума“.

а) Доцента іеромонаха *Варооломея (Ремова)*:

„Г. Оглоблинъ трудился надъ своей темой болѣе года: его сочиненіе представляетъ собой работу серьезную и свидѣтельствуетъ о хорошемъ знакомствѣ автора съ предметомъ его изслѣдованія. Въ сочиненіи сначала дается очеркъ Ассиріи, а затѣмъ изслѣдуется библейскій памятникъ, въ цѣломъ своемъ представляющій *Massa* на Ниневію,—книга пророка Наума.

Работа г. Оглоблина очень не поражаетъ съ внѣшней стороны своимъ объемомъ. За то при чтеніи ея невольно поражаетъ ея внутренней емкостью. Авторъ очень любитъ древнюю исторію, живо интересуется своей темой, и въ его сочиненіи рецензентъ имѣетъ дѣло не съ недостаточностью матеріала, а съ избыткомъ его. Г. Оглоблинъ имѣетъ возможность много сказать читателю, но высказываетъ лишь немного, самое существенное по его мнѣнію. Поэтому авторъ кратокъ, довольно часто прямо конспективенъ въ своемъ изложеніи. Но вотъ, то-то и хорошо, что такая краткость объясняется суммарностью изложенія, и предметъ изслѣдованія предстаетъ предъ умственнымъ взоромъ читателя въ ясныхъ, отчетливыхъ очертаніяхъ. Правда, сочиненіе носитъ характеръ эскиза, но въ немъ нѣтъ, именно, блѣдности и туманности, печальныхъ слѣдствій малаго, недостаточнаго знакомства съ предметомъ. Эскизы г. Оглоблина ярки и красочны: они прямо насыщены матеріаломъ. Сужденія г. Оглоблина довольно часто мало аргументированы, его характеристики иногда состоятъ изъ двухъ-трехъ смѣлыхъ штриховъ, онъ позволяетъ себѣ только высказывать положенія и ихъ

не доказывать. Это потому, что для него, очень тщательно и основательно познакомившагося съ матеріаломъ, въ значительной степени изучившаго богатую литературу своего предмета, очень многое кажется достаточно и такъ извѣстнымъ, яснымъ, понятнымъ. И вотъ нашъ авторъ точно забываетъ о читателѣ, преподнося ему только краткій сжатый очеркъ по существу весьма основательный, но внѣшне иногда недостаточно убѣдительный, благодаря цѣлому ряду сужденій, для которыхъ нужна была бы почва фактовъ, но фактовъ не указывается... Авторъ, конечно, долженъ свою незаурядную работу вынести на свѣтъ Божій, долженъ показать процессъ ея предъ читателемъ, чтобы не все было находящійся въ его рукахъ большой и хорошо изученный имъ матеріалъ. Здѣсь вмѣстѣ съ этимъ мы подчеркнемъ, что г. Оглоблинъ очень суровъ къ своей работѣ: видно, что взято имъ въ сочиненіе (какимъ оно представлено) только то, что онъ считаетъ вполнѣ обработаннымъ, совсѣмъ отдѣланнымъ. Эту строгость автора къ своему слову и мысли мы считаемъ его большимъ достоинствомъ и въ ней усматриваемъ ручательство за успѣхъ его дальнѣйшей работы надъ предметомъ своего изслѣдованія. Съ удовольствіемъ отмѣчая, что г. Оглоблинъ выполнилъ данныя ему указанія, и съ еще большимъ удовлетвореніемъ признавая значительность положеннаго имъ самостоятельнаго труда, мы усиленно рекомендуемъ нашему автору съ проявленною имъ настойчивостью разрабатывать дальше въ ширь и въ глубь свое изслѣдованіе. Для этого у него есть дарованія и интересъ къ предмету и умѣнье.

Продолжать работу у г. Оглоблина есть два сильныхъ побужденія: одно даетъ ему наука въ ея современномъ состояніи,—другое—его собственное сочиненіе. Книга Наума по самому характеру своему можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія только въ связи съ изученіемъ исторіи Ассиріи: это очевидное для библиста положеніе сознавалъ ученый предшественникъ г. Оглоблина по изслѣдованію книги Наума—М. Симашкевичъ (нынѣ Архіеп. Митрофанъ), приблизительно такъ же формулировавшій тему и своего изслѣдованія (СПБ. 1875). Съ тѣхъ поръ прошло вотъ уже почти сорокъ лѣтъ; за это время измѣнились во многомъ приемы изслѣдованія священныхъ книгъ, еще рѣзче высту-

пили апологетическія задачи изученія Библии, завоеваль себѣ прочныя симпатіи историческій методъ изслѣдованія. Но особенно нужно считать, что пора бы появиться ученому труду о книгѣ пророка Наума, потому, что ассириологія ушла далеко отъ того состоянія, въ какомъ она была въ моментъ появленія книги Симашкевича. Древняя Ниневія возстала изъ-подъ праха земного, благодаря самоотверженной работѣ производившихъ раскопки и ученыхъ, разработывавшихъ найденный матеріалъ. Историческая перспектива, въ которой слѣдуетъ научно разсматривать книгу Наума, такъ красочна и такъ многозначительна, что нужно и ее изучить по возможности всесторонне и тщательно и самую книгу Наума на ея фонѣ. Эту работу и долженъ выполнить г. Оглоблинъ. Мы въ правѣ ожидать отъ него широко и основательно написаннаго изслѣдованія, потому что своею прекрасною кандидатскою работою онъ показалъ, что можетъ это сдѣлать. Будущая солидная ученая работа намъ здѣсь дана, да будетъ позволено такое сравненіе, въ завязи. Мы хотимъ сказать, что, разумно намѣтивъ для своего кандидатскаго сочиненія скромныя рамки, г. Оглоблинъ подъ напоромъ своего огромнаго матеріала мѣстами „прорывается“, даетъ на нѣкоторыхъ страницахъ своего небольшого, но хорошо отдѣланнаго сочиненія частныя экскурсы очень детально разработанные; это, мы сказали бы, этюды къ будущей картинѣ (стр. 6—8, 25, 136—138 и др.).

Итакъ трудъ г. Оглоблина нуженъ, и написать его онъ можетъ и долженъ,—онъ долженъ продолжать свою работу и дать серьезную магистерскую диссертацию.

Г. Оглоблину слѣдуетъ, соотвѣтственно уклону его способностей, специализироваться на исторіи Востока, частнѣе на исторіи Ассирійской державы. Если для своей кандидатской работы онъ слѣдовалъ въ значительной степени западнымъ ассириологамъ въ изображеніи жизни древней Ниневіи (и хорошо дѣлалъ), то теперь онъ уже достаточно ориентировался въ матеріалѣ. Теперь онъ могъ бы дать исторію Ассиріи по первоисточникамъ прежде всего, а литературой предмета пользоваться, какъ матеріаломъ второстепеннымъ.

Книгу Наума г. Оглоблину рекомендуется еще тщательнѣе изучить въ текстологическомъ отношеніи и въ ея идейномъ соотношеніи съ прочими ветхозавѣтными священными писателями. Г. Оглоблинъ читаетъ Keilinschriftliche Bibliothek и

разбирается въ ней; книгу Наума онъ имѣеть возможность читать въ еврейскомъ подлинникѣ, въ переводѣ 70-ти и въ латинскомъ, по крайней мѣрѣ: значить онъ и можетъ и долженъ текстъ священной книги изслѣдовать детально... (ср. стр. 145). Автору не худо бы потщательнѣе проштудировать небольшую книжку Р. Haupt'a *The Book of Nahum* (Baltimore, 1907). Что же касается до установленія идейной связи книги Наума съ прочими пророками, то г. Оглоблинъ это уже сдѣлалъ (стр. 138—140), но, чѣмъ больше онъ познакомится со всею Библиею, тѣмъ лучше будетъ ему и при истолкованіи отдѣльныхъ стиховъ и при обобщеніи этого въ отдѣльномъ очеркѣ. Только такой очеркъ лучше будетъ дать въ концѣ трактата о книгѣ Наума—въ результатѣ истолкованія ея.

Ясна, далѣе, потребность въ серьезномъ заключительномъ очеркѣ, который бы отчетливо резюмировалъ все изслѣдованіе, всѣ его данныя и выводы. Дѣло вотъ въ чемъ: по самому характеру темы задача г. Оглоблина—соотнести изображенія жизни Ниневіи во внѣ-библейскихъ памятникахъ и въ книгѣ пророка Наума. Г. Оглоблинъ это дѣлаетъ и дѣлаетъ съ своеобразнымъ искусствомъ. Онъ незамѣтно сѣпляетъ свои очерки въ одно цѣлое, и чувствуется хорошій цементъ, прочно проникшій во внутрь его построеній. Очень скоро внимательный читатель, если будетъ вдумчиво читать „вторую часть“ работы г. Оглоблина, усмотритъ, что взору автора въ ней постоянно предносится жизнь Ассиріи, пожалуй даже болѣе въ детальномъ освѣщеніи, чѣмъ это дано у него въ „первой части“. Но выходитъ опять, что авторъ не руководитъ читателя, а заставляетъ его самого не безъ труда додумываться до многоаго. Необходимо выкуплѣе представить общность съ книгою Наума свидѣтельствъ клинописной ассирійской литературы. Заключительный очеркъ, впрочемъ, нуженъ не только для читателя, онъ нуженъ и для самого автора. Онъ, быть можетъ, вернулъ бы иногда этого послѣдняго къ доразслѣдованію нѣкоторыхъ интересныхъ вопросовъ... Сочиненію это придастъ законченность.

Мы высказываемся о литературной сторонѣ сочиненія г. Оглоблина съ одобреніемъ. Несмотря на трудность предмета сочиненіе читается легко, хотя мы никакъ не можемъ назвать его легковѣснымъ: авторъ сумѣлъ пройти между Сциллою и Харибдой. Все же стиль сочиненія болѣе изобра-

зительный, чѣмъ точный и не всегда безупречный (стр. 1, 35, 44, 60, 61, 79, 122—убогій дворець, точиѣ лачуга, и др.).

Доказательная сторона сочиненія оставляетъ возможность придаться къ ней (этого мы уже отчасти коснулись). Прежде всего автору рекомендуется цитировать свои источники и пособія не только съ точностью (его неотъемлемое достоинство), но и подробно. Тѣмъ болѣе авторъ не долженъ говорить: „какъ теперь твердо установлено наукой“, и вмѣстѣ съ этимъ не приводить свидѣтельствъ этой установленности (какъ на стр. 127—128). Мѣстами чувствуется необходимость если не въ разъясненіи, то хотя бы въ авторитетной цитатѣ (стр. 19, 38, 128, 130).

Но справедливость требуетъ признать, что наши desideria суть плодъ повышенныхъ требованій къ труду г. Оглоблина. Цитация у него въ общемъ очень точная и, пожалуй, скрупулезная,—на рѣдкость,—и свидѣтельствуешь объ ученой чистоплотности г. Оглоблина: повышенное требованіе, чтобы она была и подробною, рождается именно этимъ свойствомъ его работы. Г. Оглоблинъ не увеличиваетъ перечня своихъ пособій указаніемъ той литературы, которая не имѣетъ отношенія къ его работѣ. Но то, что имъ дѣйствительно изучено, превышаетъ обычные для кандидатскихъ работъ размѣры. Только увлеченіе предметомъ можетъ заставить такъ работать надъ тѣмъ труднымъ матеріаломъ, который надлежало изучить г. Оглоблину. Г. Оглоблинъ добросовѣстно искалъ изслѣдованій своего предмета въ нѣмецкой и англійской литературѣ. Свою литературу г. Оглоблинъ изучилъ весьма добросовѣстно, а вѣдь ему предстояло преодолѣть и такіе капитальные труды, какъ Rawlinson'a, Vigouroux, Winkler'a, Uquhart'a (не говоримъ о прочихъ изслѣдованіяхъ меньшихъ по объему, но весьма серьезныхъ и трудныхъ для изученія). За то г. Оглоблинъ вполне оріентировался въ своей ученой области. Въ его краткомъ, но выразительномъ способѣ трактации сквозитъ ясное, отчетливое знакомство съ предметомъ. Его очеркъ исторіи Ниневіи серьезно и даже краснорѣчиво защищаетъ непоколебимость авторитета Библии, а его рѣчь о книгѣ Наума даетъ рельефную характеристику пророка. Въ своемъ комментарий книги Наума г. Оглоблинъ не далъ детальнаго анализа текста священной книги, но его краткое толкованіе является вполне достаточнымъ для его цѣли:

обращаемъ вниманіе на то, что авторъ весьма умѣло использовалъ толкованія патристическаго періода, особенно Θεодора Мопсуестійскаго.

Г. Оглоблинъ не далъ въ заключеніе своего сочиненія его résumé: онъ считалъ вопросъ разъясненнымъ на протяженіи самаго сочиненія. Думается, рецензентъ его сочиненія находится въ еще болѣе опредѣленномъ положеніи. Его выводъ ясенъ, но тѣмъ не менѣе необходимо поставить точку надъ і. Г. Оглоблинъ именно *заслуживаетъ* степени кандидата богословія: онъ ея *достоинъ*. Сочиненіе нашего автора—отличное, и мы позволяемъ себѣ его рекомендовать особому вниманію Совѣта Академіи“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника Иліи Гумилевскаго*:

„Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ защищаетъ такъ формулированную тему тѣмъ, что книга пророка Наума „съ 40—50 годовъ прошлаго столѣтія, когда на мѣстѣ древней Ниневіи стали производиться раскопки, получила особый литературно-историческій интерес“. „Этотъ литературно-историческій интересъ, говоритъ авторъ, а также и богословскій, побуждаетъ и насъ, въ связи съ изслѣдованіемъ исторіи ассирійскаго царства, заняться изученіемъ этой цѣнной для ассириологій книги пророка Наума“ (I—II). И надо отдать справедливость автору: его интересъ чувствуется и выдерживается на протяженіи всего сочиненія, что сообщаетъ ему единство настроенія и держитъ его на высотѣ современнаго научнаго интереса.

Авторъ выполнилъ свою работу на основаніи ассириологической литературы Запада, преимущественно нѣмецкой, и соотвѣтствующихъ святоотеческихъ толкованій. Отношеніе автора къ чужимъ мыслямъ—осторожное, вдумчивое и вполне добросовѣстное. При иномъ отношеніи онъ могъ загромоздить свою работу многочисленными цитатами, что удвоило бы и даже утроило объемъ его небольшого по виду, но многосодержательнаго сочиненія (стр. 1—176).

Сочиненіе естественно распадается на двѣ части. Въ первой, начиная останками древней Ниневіи, авторъ переходитъ къ исторіи ея знаменитыхъ раскопокъ и ихъ результатовъ, во свѣтъ которыхъ и на основаніи старыхъ данныхъ и построается далѣе имъ самая исторія Ассиріи. Такъ построен-

ная исторія получает особенный смысл при сопоставленіи съ библейскими свидѣтельствами: свидѣтельства библейскія получаютъ научное разъясненіе и подтвержденіе, а свидѣтельства научныя—священную санкцію. Авторитетъ Библии свято охраняется и лишь подтверждается новыми данными. Тамъ самымъ пролагается путь къ научному комментарию Библии. Языкъ автора въ этой части въ общемъ языкъ хорошаго историка: мысль—ясная, фраза—краткая, термины—опредѣлившагося смысла.

Первою частью сочиненія авторъ обезпечилъ себя историческимъ фономъ для второй части, гдѣ онъ при свѣтѣ новыхъ и святоотеческихъ данныхъ изъясняетъ всю книгу пророка Наума. Тамъ, гдѣ авторъ находитъ нужнымъ, сопоставляются тексты: сирійскій, перевода семидесяти, вульгата и синодальный. Авторъ—не поклонникъ школы аллегористовъ: образы и символы переводятся имъ на языкъ историческихъ фактовъ, однако въ строгомъ соотвѣтствіи съ святоотеческими свидѣтельствами.

Какъ въ первой, такъ и во второй части не достаетъ въ томъ случаѣ, когда авторъ сопоставляетъ новыя данныя съ библейскими, чтобы приведенъ былъ самый текстъ этихъ данныхъ и необходимый къ нему комментарий. Вторая же часть ожидаетъ историко-филологическаго анализа самаго текста книги пророка Наума.

Мы желаемъ автору устранить указанные недостатки въ слѣдующей ученой работѣ. Въ данномъ-же своемъ видѣ сочиненіе автора не только вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія, но и въ печатномъ видѣ могло-бы быть полезной и интересной книгой“.

29) О сочиненіи студента *Орлова Василия* на тему: „Обзоръ курсовъ и учебниковъ по исторіи русской литературы съ научной и педагогической точекъ зрѣнія“.

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Тулицкаго*:

„Сочиненіе г. Орлова далеко не вполне соотвѣтствуетъ своей темѣ. Предложенная тема обязывала автора къ критической характеристикѣ лишь болѣе или менѣе цѣльныхъ курсовъ и учебниковъ по исторіи русской литературы, охватывающихъ весь ли историческій процессъ развитія этой литературы, или только отдѣльные значительные періоды ея

исторіи. Монографическія изслѣдованія по исторіи русской литературы, а тѣмъ болѣе работы, посвященныя предварительной документальной разработкѣ источниковъ, отнюдь не должны были входить въ сферу сравнительной оцѣнки, тѣмъ болѣе, что педагогическая точка зрѣнія къ такого рода изслѣдованіямъ даже и непримѣнима вовсе. вмѣсто этого г. Орловъ, предъявивъ къ своему труду слишкомъ широкія требованія, задумалъ дать вообще исторію научной разработки исторіи русской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до новаго времени. Онъ начинаетъ свою рѣчь издалека, слишкомъ издалека—съ Волынскаго лѣтописца, у котораго подъ 1288 годомъ есть „перечневая опись библіотеки Владиміра Васильевича“, говоритъ о древнихъ монастырскихъ „описяхъ“, о словаряхъ и библиографическихъ трудахъ XVII—XVIII вв., затѣмъ характеризуетъ различныя методологическія направленія въ изученіи историко-литературныхъ фактовъ въ европейской наукѣ и на этой почвѣ разсматриваетъ различныя труды по изученію исторіи русской литературы цѣлаго ряда старыхъ и новыхъ авторовъ: Коля, Шлецера, Бакмейстера, Дамаскина-Руднева, Домашнева, Новикова (вмѣстѣ съ тѣмъ труды Лессинга, Гердера, Шлегеля, Вахлера), Карамзина, Бекетова, Добровскаго, Востокова, Калайдовича, Сопикова, Евгенія, Кеплена, Анастасевича, Борна, Греча, Надеждина, Срезневскаго (почему-то только труды по изученію малорусской литературы), Горскаго и Невоструева, подробно останавливается на трудахъ Тимаева („Начертаніе курса изящной словесности“ — скорѣе теорія словесности, чѣмъ ея исторія), А. Глаголева (скорѣе курсъ теоріи словесности), Георгіевскаго (авторъ начинаетъ свою рѣчь о его книгѣ словами: „это руководство по теоріи, а не по исторіи“), подробно излагаетъ „исторію русской литературы по Бѣлинскому“, характеризуетъ труды по исторіи литературы Плаксіна, Аскоченскаго, Никитенка, Милюкова, Максимовича, Шевырева, Буслаева, Галахова, О. Миллера, Порфирьева, Всев. Миллера, Владимірова, Скабичевскаго, кн. Сергѣя Волконскаго (его малоизвѣстные очерки по русской исторіи и по русской литературѣ), В. В. Сиповскаго и Айхенвальда.

Уже изъ предложеннаго перечня авторовъ видно, что почти половина сочиненія г. Орлова, строго говоря, написана не на тему, что онъ курсамъ и учебникамъ удѣлилъ вни-

манія меньше, чѣмъ разработкѣ исторіи русской литературы вообще. Авторъ, такъ старательно изучившій Борна, Аскоченскаго, Плаксина, совершенно не упоминаетъ ни о Незеленовѣ, ни о Келтуялѣ, ни о Пѣтуховѣ, ни о Сперанскомъ. Проф. Владимірову отводится цѣлый отдѣлъ, но говорится не о трудѣ его, посвященномъ исторіи древне-русской литературы, а о „Введеніи въ исторію словесности“. Учебниковъ. въ собственномъ смыслѣ слова, авторъ почти не касается совсѣмъ.

Изъ этого основного недостатка сочиненія органически вытекаютъ всѣ остальные его несовершенства значительнаго характера. Задавшись цѣлью изобразить во всѣхъ деталяхъ послѣдовательный ходъ развитія науки исторіи русской литературы, авторъ, разумѣется, не могъ достигнуть осуществленія этой идеи въ теченіе одного года. Отсюда, несмотря на обширные размѣры сочиненія (368 стр., въ л.), ему не удалось довести свою работу до конца. Изучить всю обширную намѣченную область онъ не могъ. Выборъ изслѣдованій у него часто оказывается случайнымъ. Ему вслѣдствіе спѣшности труда, вынужденной обиліемъ матеріала, приходится часто вступать на проторенную дорогу и повторять достаточно извѣстныя свѣдѣнія. Въ сочиненіи нѣтъ дѣленія на главы; не всегда выдерживается даже планъ. Оглавленіе составлено спѣшно и не вполне соответствуетъ содержанію. О педагогическихъ достоинствахъ курсовъ по исторіи русской литературы сдѣлано очень мало замѣчаній.

Но, имѣя въ виду, а) что авторъ очень много потрудился надъ изученіемъ тщательно собранной имъ литературы предмета, б) что ему удалось достать и разсмотрѣть цѣлый рядъ полузабытыхъ книгъ по исторіи русской литературы (Тимаева, Георгіевскаго, Плаксина), в) что сочиненіе свидѣтельствуетъ о большой начитанности автора не только въ области исторіи литературы, но и философіи, г) что методологическіе приемы его, въ рамкахъ осуществленной имъ разработки темы, стоятъ на должной научной высотѣ, е) что авторъ обнаруживаетъ незаурядныя критическія способности и въ разработку поставленнаго себѣ вопроса вноситъ сплошь и рядомъ самостоятельныя, иногда очень мѣткія и оригинальныя, наблюденія, ф) что, наконецъ, изложеніе сочиненія (несмотря на допущенныя въ большомъ количествѣ, при печат-

танія на машинѣ, описки) обладаетъ литературными достоинствами,—мы находимъ автора заслуживающимъ степени кандидата богословія*.

б) И. д. доцента *А. В. Ремезова*:

„Разборъ учебниковъ какой бы то ни было науки не только съ педагогической, но и научной точекъ зрѣнія едва ли возможенъ внѣ большей или меньшей связи съ обзорѣніемъ самой исторіи данной науки; чѣмъ шире разсматривается эта связь, тѣмъ большую, кажется, основательность приобрѣтаетъ и критика учебниковъ. Г-ну Орлову тѣмъ болѣе необходимо было заняться самой исторіей избранной имъ специальности, что по требованію своей темы онъ долженъ былъ имѣть дѣло не только съ учебниками, но и курсами, представляющими собой нерѣдко (университетскіе, напр.) самостоятельный шагъ впередъ въ развитіи своей науки. Эту задачу въ постановкѣ своей работы г. Орловъ настолько опредѣленно осозналъ и такъ широко предпринялъ ея разрѣшеніе, что въ результатѣ у него получился длинный рядъ очерковъ, отмѣчающихъ наиболѣе замѣтные моменты въ историческомъ процессѣ развитія науки исторіи русской литературы, такъ что по поводу нѣкоторыхъ мѣстъ его сочиненія можетъ показаться недостаточно подробнымъ (съ точки зрѣнія темы) разборъ курсовъ сравнительно съ глубиной подставленной къ нему исторической перспективы. Въ данномъ случаѣ я разумѣю, напримѣръ, упоминаніе о „Словарѣ древней и новой поэзіи“ Остолопова, которому г. Орловъ удѣляетъ всего $\frac{1}{2}$ страницы (38), тогда какъ это—одинъ изъ первыхъ университетскихъ курсовъ словесности. Понятно, что послѣ подробнаго выясненія сущности того направленія, типичнымъ выразителемъ котораго былъ этотъ курсъ (ложно-классическое), долго говорить о немъ одномъ значило бы повторять только что сказанное о всемъ направленіи; слѣдовательно, г. Орловъ въ правѣ былъ ограничиться въ данномъ случаѣ лишь нѣсколькими выдержками изъ него, характеризующими его принадлежность къ только что разсмотрѣнному направленію.

Понятно, что столь широкая количественно постановка дѣла въ годичномъ сочиненіи не могла не отразиться на качествѣ работы. Дѣло въ томъ, что при неисчерпаемой

массѣ матеріала г. Орлову приходилось по крайней мѣрѣ иногда не самостоятельно обрабатывать его, а, какъ говорится, итти на поводу своихъ многочисленныхъ пособій. Рецензентъ имѣлъ возможность прослѣдить въ одномъ небольшомъ мѣстѣ отношеніе соч. г. Орлова къ источнику и пособіямъ. Первымъ въ данномъ случаѣ является „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ Новикова, которому г. Орловъ посвящаетъ 10 (17—18) страницъ, а вторыми: „Матеріалы“ Ефремова (V—VIII стр.), „Ислѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“ Сухомлинова (3—30), „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—85“ Незеленова и „Сочиненія Н. С. Тихонравова“ т. 3, ч. 2, стр. 57—58. Въ результатѣ сопоставленія послѣднихъ съ соч. г. Орлова оказалось, что всѣ сообщаемыя имъ свѣдѣнія уже даны въ его пособіяхъ, такъ что, по крайней мѣрѣ—въ разсматриваемомъ мѣстѣ, работа Орлова состояла въ выборѣ этихъ свѣдѣній и болѣе или менѣе искусномъ ихъ расположеніи, каковое, какъ оказалось изъ того же сопоставленія, нашъ авторъ исполнилъ съ большимъ умѣньемъ и, главное, добросовѣстностью: онъ не соблазнился возможностью просто списать нужное ему мѣсто пособія.

Другимъ недочетомъ данной работы, обусловливающимся той же широтой ея постановки, является неполнота въ числѣ разобранныхъ курсовъ. Рецензентъ не нашелъ у г. Орлова разбора исторіи русской литературы Незеленова, по которому, вѣроятно, самъ авторъ изучалъ въ семинаріи новый періодъ этой исторіи. Если ужъ г. Орлову не достало времени для разбора даже такого учебника, то ему обязательно надо было оставить въ сторонѣ совершенно не относящійся къ его темѣ до-историческій, такъ сказать, періодъ науки, которому онъ удѣляетъ утомительно много вниманія въ началѣ сочиненія.

Впрочемъ, если сочиненіе г. Орлова разсматривать не какъ ученый трудъ,—каковая точка зрѣнія, разумѣется, не часто можетъ быть приложима къ курсовой работѣ,—а какъ учебный, то о немъ придется отозваться съ особой похвалою: работа надъ нимъ подготовила въ лицѣ г. Орлова на рѣдкость освѣдомленнаго въ своей литературѣ преподавателя исторіи русской литературы.

За свой колоссальный (въ 350 печатныхъ страницъ) и

прекрасно обработанный съ литературной стороны трудъ г. Орловъ вполнѣ заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

30) О сочиненіи студента *Паргачевского Алекся* на тему: „Вопросы социальнаго характера въ посланіяхъ Св. Апостола Павла“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Стрехова*:

„Сочиненіе г. Паргачевского состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ. Во введеніи авторъ устанавливаетъ общій методъ, какимъ пользуется Ап. Павелъ при обсужденіи и рѣшеніи имъ социальныхъ вопросовъ. Методъ Апостола существенно отличается отъ метода обычныхъ социологовъ. Ап. Павелъ не даетъ законченной и полной системы социального ученія и не указываетъ готовыхъ способовъ къ разрѣшенію волнующихъ человѣчество социальныхъ проблемъ. Причина этого въ томъ, что спеціальныя устремленія Апостола лежатъ совершенно въ другой плоскости. Его интересуетъ не устройство государственной и общественной жизни людей, а направленіе ихъ духа, не внѣшніе порядки человѣческаго общежитія, а внутренняя духовная жизнь человѣка. Поэтому Апостоль провозглашаетъ только общія основныя начала или принципы, изъ которыхъ онъ и исходитъ при рѣшеніи частныхъ вопросовъ социального характера.

Въ первой главѣ авторъ излагаетъ ученіе Ап. Павла о трудѣ и собственности. Апостоль признаетъ трудъ, какъ средство къ созданію личнаго благосостоянія и матеріальнаго довольства. „Достоинъ (есть) работникъ мзды своей“ (Лк. 10, 7; Мѡ. 10, 10; 1 Тим. 5, 18). Справедливое вознагражденіе за трудъ—требованіе простой справедливости. „Каждый получить свою награду по своему труду“ (1 Кор. 3, 8). Поэтому не можетъ быть механическаго уравненія всѣхъ въ распределеніи матеріальныхъ богатствъ. Трудъ имѣетъ далѣе нравственное значеніе, поскольку онъ, во-первыхъ, даетъ возможность трудящемуся „не быть въ тягость другимъ“ (2 Кор. 12, 13). позволяетъ ему сохранять независимость и свободу въ личномъ самоопредѣленіи; во-вторыхъ, упорядочиваетъ

жизнь человека, вносить въ нее миръ и гармонию и предохраняетъ ее отъ многихъ вредныхъ эксцессовъ праздности, и, въ-третьихъ,—поскольку онъ даетъ намъ возможность служить нашимъ ближнимъ „поддержкою бѣдныхъ“ (Дѣян. 20, 35) и „помощью нуждающимся“ (Еф. 4, 28). Трудъ имѣетъ, наконецъ, значеніе религіозное, поскольку трудясь, независимо отъ самой формы труда, мы выполняемъ волю Божію, осуществляемъ свое „званіе“. Съ этой же точки зрѣнія получаетъ свое истинное значеніе и собственность и, въ частности, богатство. Богатство есть даръ милости Божіей, и оно должно быть поэтому цѣлесообразно употребляемо на увеличеніе общаго благополучія и уменьшеніе тяжестей жизни. Но собственно съ истинно-христіанской точки зрѣнія вопросъ о богатствѣ и бѣдности безразличенъ, потому что въ христіанствѣ нѣтъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,—тутъ всѣ нищіе и всѣ богачи „въ Господѣ“. Тутъ существенно важна внутренняя независимость отъ вещей и мірскихъ заботъ (Фил. 4, 11; 1 Кор. 7, 29-31; 2 Кор. 6, 10), которая въ свою очередь порождаетъ довольство своимъ состояніемъ (1 Тим. 6, 6—8).—Такъ, начавъ съ общепонятнаго и простаго значенія труда въ земной жизни, Апостолъ постепенно возводитъ его въ религіозный актъ преданности волѣ Божіей (Евр. 13, 5).

Во второй главѣ, послѣ очень краткой справки о положеніи рабовъ въ античномъ мірѣ, авторъ излагаетъ ученіе Ап. Павла о рабствѣ. На основаніи обстоятельнаго анализа 1 Кор. 7, 17—24 авторъ приходитъ къ совершенно правильному заключенію, что съ нравственно-христіанской точки зрѣнія вопросъ о званіяхъ и состояніяхъ, какъ и вопросъ о богатствѣ и бѣдности, неваженъ и безразличенъ, потому что въ христіанствѣ нѣтъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни рабовъ, ни свободныхъ,—тутъ всѣ нищіе и всѣ богачи, всѣ рабы и всѣ свободны о Христвѣ. Трудный для пониманія 21-ый стихъ 7-й главы 1-го Кор. авторъ, слѣдуя св. І. Златоусту, объясняетъ въ смыслѣ совѣта рабу оставаться рабомъ даже въ томъ случаѣ, если ему представляется возможность законнаго освобожденія. Показавъ затѣмъ, что въ этомъ совѣтѣ Апостола не заключается принципіальнаго взгляда его на рабство, а только лишь условно-историческая точка зрѣнія, вызванная желаніемъ Апостола предупредить всякія попытки

къ эмансипаціи на религіозной почвѣ, авторъ оканчиваетъ эту главу изложеньемъ апостольскаго ученія о взаимныхъ обязанностяхъ рабовъ и господъ.

Въ третьей главѣ г. Паргачевскій излагаетъ ученіе Апостола о бракѣ и семьѣ. Установивъ отсутствіе у Ап. Павла аскетическихъ тенденцій, онъ на основаніи анализа 1 Кор. 7 и Ефес. 5 приходитъ къ выводу, что бракъ по своему существу есть полное духовно-тѣлесное общеніе супруговъ. Охарактеризовавъ затѣмъ точку зрѣнія Ап. Павла на отношеніе мужа къ женѣ, какъ отношеніе любви и самоотверженія, и жены къ мужу, какъ отношеніе почтительнаго подчиненія и покорности, и указавъ основанія подчиненнаго положенія жсны въ бракѣ въ волю Божіей, а не во взглядѣ Апостола на женщину, какъ на существо низшаго порядка, авторъ устанавливаетъ, что съ нравственно-христіанской точки зрѣнія Апостоль не дѣлаетъ различія между мужемъ и женой, рѣшая брачный вопросъ въ смыслѣ полной равноправности супруговъ. Глава эта заканчивается выясненіемъ апостольской точки зрѣнія на женскую эмансипацію и взаимныя отношенія родителей и дѣтей.

Въ четвертой главѣ авторъ на основаніи анализа Римл. 13 излагаетъ ученіе Ап. Павла о государствѣ, о богоучрежденности власти, о назначеніи власти въ человѣческомъ обществѣ, объ обязанностяхъ подданныхъ по отношенію къ власти. Въ заключеніи этой главы авторъ пытается разрѣшить нѣкоторыя коллизіи, возникающія изъ признанія богоустановленности власти, въ родѣ такихъ, напр., какъ христіанинъ долженъ вести себя во время политическихъ переворотовъ. долженъ ли онъ исполнять несправедливыя требованія власти и повиноваться ей, когда ея распоряженія явно несогласны съ нравственнымъ закономъ, допустимо ли вообще „противленіе“ власти и въ какихъ размѣрахъ, и т. п. Авторъ рѣшаетъ эти вопросы очень обще и, потому, неудовлетворительно. Онъ говоритъ, что для истинно вѣрующаго не можетъ быть коллизіи нравственныхъ требованій. „Совѣсть подскажетъ ему, когда власть перестаетъ быть „слугою Божіимъ“, измѣняетъ своему назначенію, когда, слѣдов., онъ обязанъ ей противодѣйствовать“ (с. 231—232).

Сдѣланный общій обзоръ содержанія сочиненія г. Паргачевского показываетъ, что онъ захватилъ вопросъ широко.

И въ такой широкой постановкѣ тематическаго вопроса заключается и главное достоинство и главный недостатокъ сочиненія. Въ этомъ широкомъ захватѣ—достоинство сочиненія, потому что для выясненія взглядовъ Ап. Павла на трудъ и собственность, рабство, бракъ и семью, государство и власть автору требовалось положить много труда на изученіе текста посланій Ап. Павла и сдѣлать много мелкихъ справокъ въ библейскихъ словаряхъ и энциклопедіяхъ, а также ознакомиться съ большимъ количествомъ пособій общаго и монографическаго характера. Г. Паргачевскій все это сдѣлалъ съ похвальнымъ усердіемъ и успѣхомъ. Въ своей работѣ онъ обнаружилъ близкое знакомство съ библейскимъ текстомъ вообще, посланіями Ап. Павла—въ особенности, благодаря чему онъ легко, свободно и полно приводитъ въ потребныхъ случаяхъ соотвѣтствующія цитаты. Онъ использовалъ толкованія на посланія Ап. Павла древнихъ оо. и учч. Церкви: св. І. Златоуста, бл. Теофилакта, бл. Теодорита, бл. Иеронима, и новѣйшія—русскія (Еп. Теофана, нѣмецкія (Мейера и Цана), французскія (Godet) и латинскія (Cornely). Для филологическихъ и текстологическихъ справокъ ему служили библейско-богословскій словарь Кремера, словарь Шлейсснера, грамматики Блясса и Винера, реальная энциклопедія Герцога-Гаука. Наконецъ, авторъ знаетъ много работъ—русскихъ и иностранныхъ—монографическаго характера (см. списокъ ихъ на сс. 245—249). Конечно, списокъ пособій автора неполонъ: ему остались неизвѣстны, напр., словарь Zorell'я, библейскій словарь Hastings'a, синонимика Trench'a, цѣлый рядъ другихъ иностранныхъ толкованій на посланія Ап. Павла и др. Но изученія всей литературы предмета—русской и особенно иностранной—въ теченіе одного года отъ студента нельзя и требовать, тѣмъ болѣе, что и прочитаннаго автору было почти достаточно для правильнаго рѣшенія и истолкованія отдѣльныхъ вопросовъ темы. Правда сочиненіе г. Паргачевскаго не пестритъ цитатами, но въ немъ видна работа мысли и на каждой страницѣ чувствуется изученіе соотвѣтствующаго матеріала. Авторъ владѣетъ счастливою способностью не зарываться въ мелочахъ и иногда обнаруживаетъ зачатки къ ясному филологическому и логическому анализу. Поэтому сочиненіе его кратко, но въ немъ почти все продумано отъ начала